

НИЛ ШУСТЕРМАН

ЖНЕЦ-З
ИТОГИ

Жатва смерти

Нил Шустерман

Жнец-3. Итоги

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

Шустерман Н.

Жнец-3. Итоги / Н. Шустерман — «Издательство АСТ»,
2019 — (Жатва смерти)

ISBN 978-5-17-122856-9

Прошло три года со дня исчезновения Роуэна и Ситры. Для Роберта Годдарда настало время величайших свершений – он стал Высоким Лезвием Мидмерики, а Гипероблако умолкло, отгородившись от всех жителей Земли, кроме Грейсона Толливера. Но старые друзья могут воскреснуть из мертвых, а древние секреты, казалось бы, забытые навсегда, способны перевернуть мир. Читайте заключение великолепной трилогии «Жнец»!

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-122856-9

© Шустерман Н., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Часть 1	7
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	36
Глава 6	41
Глава 7	47
Глава 8	52
Глава 9	57
Глава 10	63
Глава 11	68
Часть 2	72
Глава 12	73
Глава 13	80
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Нил Шустерман

Жнец-3: Итоги

Neal Shusterman

THE TOLL

Печатается с разрешения издательства Simon & Schuster Books For Young Readers, An imprint of Simon & Schuster Children's Publishing Division и литературного агентства Andrew Nurnberg.

No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system, without permission in writing from the Publisher.

© Neal Shusterman, 2019

© Перевод. В. Миловидов, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Нил Шустерман родился и вырос в Бруклине, Нью-Йорк. Окончил Калифорнийский университет с дипломами по психологии и театру. Автор успешных проектов на телевидении: «Мурашки» (Goosebumps) и Animorphus, а также один из самых титулованных авторов книг для подростков, удостоенных Boston Globe – Horn Book Award, California Young Reader Medal, National Book Award for Young People's Literature. В настоящее время готовит сценарий по своему роману «Страна затерянных душ» для студии «Юниверсал».

* * *

Посвящается Дэвиду Гейлу, Высокому Лезвию редакторского сообщества.

Нам всем так не хватает разящих ударов вашего просвещенного пера!

Автор выражает свою искреннюю благодарность всем работникам издательства «Саймон и Шустер», без чьего дружеского участия и поддержки не появилась бы ни эта книга, ни вся серия. Особенно это относится к моему издателю, Джастину Гранда, который лично редактировал этот роман, пока мой редактор, Дэвид Гейл, находился на больничной койке, и совершил невероятное, понудив меня превратить роман в лучшее, на что я способен. Я также хочу поблагодарить помощника редактора Аманду Рамирес за тот тяжелый труд, что она взяла на себя, работая как над этой книгой, так и над другими, которые я писал для вашего издательства. Но, кроме них, есть еще множество людей, которым я обязан выразить свою сердечную благодарность! Это Джон Андерсон, Энни Зафиан, Элайза Лиу, Лайза Мораледа, Мишель Лео, Сэйра Вудрафф, Криста Воссен, Крисси Но, Катрина Грувер, Джинни Нг, Хилари Зариски, Лорен Хоффман, Анна Зарзаб, Хлоя Фоглиа – и это далеко не все! Спасибо вам! Вы все явля-

етесь членами моей большой семьи. Поэтому жду вас к себе в ближайший День благодарения. Обещаю, что без вас мы не начнем разделять нашу индейку.

В очередной раз искренне хочу поблагодарить художника Кевина Тонга за его изумительные, безупречные обложки. Вы реально подняли планку на недостижимую высоту. Все последующие обложки издательства просто обязаны выдержать тест Тонга.

Андреа Браун, мой литературный агент! Благодарю вас за все, что вы для меня делаете – включая бесконечные разговоры на тему «эта-книга-меня-просто-убивает»! Благодарю своих агентов, связывающих меня с индустрией развлечений – Стива Фишера и Дэбби Дебль-Хилл. Моя искренняя признательность адвокатам Шепу Роузману, Дженнифер Джастман и Кэйтлин Ди-Мотта, помогающим мне при составлении и подписании контрактов. И, конечно, мой самый низкий поклон моему менеджеру, Тревору Энгельсону, истинному королю Голливуда.

Благодарю Лоренса Гэндера, который помог в решении ряда деликатных вопросов, связанных с сущностью образа Джериго, а также Мишель Кноулден за ее познания в математических и технических аспектах проблем, относящихся к межзвездным перелетам.

Я нахожусь под глубоким впечатлением от того, какой успех мои книги имеют за пределами США, в связи с чем выражаю свою восторженную благодарность тем, кто отвечает за международную деятельность издательства «Саймон и Шустер»: Дину Нортону, Стефани Ворос и Эми Хабайеб, а также своему агенту Тэрин Фагернесс, связывающую меня с издателями за рубежом. И, конечно, прошу принять мою искреннюю благодарность всех моих иностранных издателей, редакторов и промоутеров. Во Франции это Фаьен ле Руа в издательстве Робера Лафонта, в Германии – Анти Кайль, Кристин Шнайдер и Ульрика Метцер из издательства «Фишер Ферлаг». В Соединенном Королевстве это Фрэнсис Тэффиндер и Кристен Коузенс из «Уокер Букс», в Австралии – Мэрайя Белл и Джорджи Кэррол, а в Испании – Ирина Салаберт из издательства «Ноктурна». И особая благодарность – моему другу Ольге Ноэдтведт, которая переводит мои книги на русский язык – из любви к ним и до того, как российские издательства принимают решение об их публикации.

Вся серия «Жатва смерти» стала основой художественных фильмов киностудии «Юниверсал», и я хочу высказать свою благодарность всем, кто принимает участие в их экранизации, включая продюсеров Джоша Макгуайра и Дилана Кларка, а также Сэйру Скотт из компании «Юниверсал», Майю Манисалько и Холли Барио из компании «Эмблин» и Серу Гэмбл, которая работает над по-настоящему убийственными сценариями (игра слов – намеренная!). Не могу дождаться, когда фильмы выйдут на большом экране. Что касается экрана малого, то я хотел бы поблагодарить своего сына Джеррода и его партнера Софию Лапуэнте за их изумительные трейлеры.

Благодарю Барб Собел за ее сверхчеловеческие организаторские способности и Мэтт Лури за то, что мой мозг не был съеден средствами массовой информации, этими плотоядными бактериями.

Но более всего я благодарен своим детям, которые уже давно вышли из младенческого возраста, но по-прежнему остаются для меня моими крошками. Это мои сыновья Брендан и Джеррод, а также дочери Джоэль и Эрин, которые ежедневно заставляют меня чувствовать гордость за то, что именно я являюсь их отцом.

Часть 1

Потерянный остров и затонувший город

С глубочайшим чувством смирения принимаю я пост Высокого Лезвия Мидмерики, делая это в минуты великой скорби, что поразила всех живущих. Трагедия Стои не исчезнет из нашей памяти. Мы не забудем многие тысячи жизней, что были оборваны в этот черный день, самый черный день нашей истории. Мы будем помнить всех и каждого из погибших – пока у людей есть сердца, чтобы стоически переносить тяготы жизни, и очи, чтобы оплакивать утраты, с которыми мы сталкиваемся на жизненном пути. Да вовеки пребудут у нас на устах имена поглощенных пучиной!

Великой честью считаю я для себя то обстоятельство, что последним актом Совета Верховных Жнецов было признано мое право занять пост Высокого Лезвия Мидмерики. И, поскольку мой единственный конкурент погиб в катастрофе, не будем терзать наши души вскрытием конверта с результатами голосования. Жнец Кюри и я не во всем соглашались друг с другом, но она, вне всякого сомнения, была одной из лучших в наших рядах и, безусловно, войдет в историю как один из величайших жнецов. Я оплакиваю ее смерть – может быть, даже в большей степени, чем все прочие, скорбящие по ней.

Возникло множество досужих домыслов по поводу того, кто несет ответственность за случившееся, поскольку гибель Стои, как это всем очевидно, была результатом не случайного стечения обстоятельств. Отнюдь! В основе катастрофы – злой умысел и тщательно разработанный план. Беру на себя смелость развеять все слухи и спекуляции.

Эту ответственность несу я, и только я!

Ибо остров стал жертвой моего бывшего ученика, Роуэна Дэмиша, незаконно принявшего имя Жнеца Люцифера. Он-то и стал злонамеренным исполнителем этого плана. Не возьми я его под свое крыло, не обучи искусству и навыкам жнеца – не имел бы он шансов проникнуть в Стою и совершить сие гнусное преступление. Я, и один только я ответственен за то, что случилось. Мое единственное утешение состоит в том, что преступник, недостойный прощения, погиб вместе со своими многочисленными жертвами, и никогда более не явится среди живущих.

Трагедия лишила нас Совета Верховных Жнецов – тех, к кому мы могли обратиться за советом и словом поддержки, кто определял нормы и правила, по которым мы жили и работали.

Поэтому мы все – и каждый из нас – должны раз и навсегда оставить мысли о том, что нас разделяет. Старая гвардия и молодые жнецы, стремящиеся к новым высотам совершенства, должны вместе, рука об руку, идти к своей общей цели.

Чтобы способствовать этому, первым своим официальным распоряжением я отменяю в своем регионе квоту, которой руководствуются в работе жнецы. Делаю я это из уважения к тем из нас, кто, по тем или иным причинам, не в состоянии эту квоту выполнить. Отныне жнецы Мидмерики имеют право подвергать жатве столько людей, сколько сочтут необходимым, не

опасаясь, что их станут порицать или наказывать за невыполнение. Надеюсь, что нашему плану снять квотирование последуют и прочие регионы мира.

Конечно, чтобы восстановить общий баланс, кому-то из жнецов придется работать чуть больше, чем обычно, но я уверен, что общее равновесие не будет нарушено.

Из инаугурационной речи Его Превосходительства Высокого Лезвия Мидмерики Роберта Годдарда.

19 апреля, Год Хищника

Глава 1

Подчиниться неизбежному

Его схватили без всякого предупреждения.

Он спокойно спал, но уже в следующее мгновение какие-то люди, которых он не знал, тащили его по темному коридору.

– Не пытайся вырваться, – с натугой прошептал один из похитителей, – тебе же хуже будет!

Но Грейсон попытался, и у него получилось – даже в том полусонном состоянии, в котором его выхватили из постели, он рванулся и, освободившись из цепких рук напавших на него людей, бросился по коридору, одновременно призывая на помощь. Но кто в этом сонном царстве успеет проснуться и помочь?

В крошечной темноте Грейсон повернул направо – где-то здесь должна быть лестница, – но не рассчитал расстояния и полетел головой вниз, приложившись рукой о гранитную ступеньку. Кисть громко хрустнула, резкая боль пронзила руку, но только на мгновение; к моменту, когда Грейсон вскочил на ноги, боль ушла, а по телу разлилось приятное тепло – это наночастицы, выйдя в кровоток, принялись за дело и заблокировали болевые ощущения.

Придерживая сломанную кисть, чтобы та не болталась, он рванулся вперед.

– Кто тут? – раздался голос сверху. – Что происходит?

Грейсон готов был броситься на голос, но не смог определить его источник. Наночастицы не только остановили боль, но и затуманили сознание, так что Грейсон с трудом понимал, где верх, где низ, где лево, а где право. Как это ужасно, если ум теряет остроту именно тогда, когда в ней такая нужда! Пол под ногами ходил как корабельная палуба, Грейсона кидало от стены к стене; он отчаянно пытался удержать равновесие, пока не влетел в одного из нападавших, который грубо схватил его за сломанную кисть. Грейсон осел – эта хватка лишила его способности сопротивляться, несмотря на все усилия наночастиц.

– Ты что, не мог обойтись без шума? – спросил напавший на него. – Мы же тебя предупреждали!

В темноте сверкнула игла. Мгновение, и она как молния вошла Грейсону в плечо. Холод пронзил его жилы, в глазах все завертелось, колени предательски подогнулись, но Грейсон не упал – ему не дали рухнуть на пол и бережно поддерживали руки напавших на него незнакомцев. Его подняли и понесли. Открылась дверь, ведущая на улицу, где гудел и грохотал шторм. Грейсон почувствовал, что сознание оставляет его, и подчинился неизбежному.

К моменту, когда Грейсон очнулся, рука уже зажила, а это значило, что без сознания он провел несколько часов. Он попытался пошевелить сломанной кистью, но не смог – но не из-за травмы, а потому, что был привязан к стулу, как за руки, так и за ноги. Кроме того, он задыхался – на голову был напаян какой-то мешок. Мешок был пористый, и дышать было можно, но каждый вдох стоил отчаянной борьбы.

Хотя Грейсон не знал, куда его принесли, он понимал, *что* с ним произошло. Это было похищение. Сейчас кое-кто так развлекался: похищение могли устроить близкие как подарок на день рождения, а могли осуществить и как часть более развернутого развлекательного плана. Но в том, что произошло с Грейсоном, вряд ли участвовали его друзья или близкие – здесь все было без дураков. И хотя он не знал, кто его утащил, но отлично понимал, для чего это было сделано. Еще бы он не понимал!

– Эй! Есть тут кто-нибудь? – крикнул Грейсон. – Дышать же невозможно. Если я отключусь, вам это надо?

Послышалось движение, и мешок сняли.

Грейсон сидел в маленькой комнате без окон. Свет резанул ему глаза, но, вероятно, только оттого, что он долго был в темноте. Вокруг него стояли трое – двое мужчин и женщина. Грейсон думал, что его похитителями были по-настоящему отпетые фрики, но он ошибался. Да, это была троица фриков, но только в том смысле, в котором фриками стали вообще все.

То есть почти все.

– Мы знаем, кто ты, – сказала стоящая посередине женщина, которая, вероятнее всего, была у этой троицы главарем. – И мы знаем, на что ты способен.

– То есть *якобы* способен, – уточнил один из мужчин.

На всех троих были поношенные серые костюмы, цвета облачного неба. Да, это были агенты Нимбуса – по крайней мере, в недавнем прошлом. Похоже, они так и не переодевались с того момента, как Гипероблако замолчало, словно надеялись, что, сохраняя верность униформе, они вернут себе работу, символом которой эта униформа была. Да, куда только катится мир? Агенты Нимбуса дожили до того, что стали похищать людей!

– Ты – Грейсон Толливер, – сказал сомневающийся тип.

Глядя в свой блокнот, он прошелся по самым ярким фактам биографии Грейсона:

– Хороший студент, хотя и ничего выдающегося. Исключен из академии Нимбуса за нарушение статьи пятнадцать, параграфа третьего, правил, регулирующих отношения жнеческого сообщества и государства. Под именем Слейд Мост виновен в совершении ряда мелких правонарушений, а также серьезных преступлений. В частности, по твоей вине в автокатастрофе было убито двадцать девять пассажиров автобуса.

– И Гипероблако из всех людей выбрало именно это отродье? – произнес третий из похитителей.

Главный агент приложила палец к губам, чтобы читающий помолчал, и обратилась к Грейсону.

– Мы исследовали все глубинное сознание Гипероблака, но нашли только одного человека, который не имеет статус фрика, – сказала она. – И этот человек – ты.

Она посмотрела на Грейсона, и во взгляде ее отразился сложный коктейль переживаний: любопытство, зависть... Но также и некоторое уважение.

– Это означает, что ты можешь говорить с Гипероблаком. Так?

– Любой может говорить с Гипероблаком – отозвался Грейсон. – Просто отвечает оно только мне.

Человек с блокнотом сделал глубокий вдох, словно ему не хватало кислорода. Женщина склонилась к Грейсону.

– Ты просто какое-то чудо, Грейсон, – сказала она. – Ты знаешь это?

– Тоновики говорят то же самое, – сказал Грейсон.

Услышав о тоновиках, бывшие агенты Нимбуса презрительно усмехнулись.

– Они же держали тебя в плену, – сказала женщина.

– Да не вполне.

– Мы знаем, что тебя удерживали насильно.

– Может быть, поначалу... Но потом все изменилось.

То, что говорил Грейсон, в головах у бывших агентов Нимбуса никак не укладывалось.

– Какого черта ты оставался у тоновиков? – спросил тип, который минуту назад назвал Грейсона «отродьем». – Ты что, верил их белиберде?

– Я оставался с ними, – ответил Грейсон, – потому что они не похищали меня среди ночи.

– Мы тебя не похитили, – сказал бывший агент с блокнотом, – а *освободили*.

Женщина встала на колени. Ее глаза оказались на одном уровне с лицом Грейсона, и в ее взгляде он увидел то, что поглотило все ее прочие чувства – отчаяние. Глубочайшее, черное, как смола, отчаяние. И отчаяние жило не только в этой женщине. С тех пор, как Гипероблако замолчало и закрылось от людей, Грейсон видел многих, кто безуспешно боролся с этим чув-

ством. Но в этой комнате, в сердцах бывших агентов Нимбуса отчаяние было неизбывным, острым, как нигде больше. И все наночастицы мира не смогли бы совладать с этим отчаянием, с этой тоской.

Да, связанным сидел Грейсон, но связавшие его люди были пленниками в гораздо большей степени, чем он, – они находились в плену своего отчаяния. И правильно, что эта женщина встала перед ним на коленях. Обидели – замаливайте грехи!

– Пожалуйста, Грейсон! – просила женщина. – Я говорю с тобой от имени тысяч и тысяч, кто работал в Интерфейсе Управления. Служение Гипероблаку составляло смысл нашей жизни. Теперь, когда оно с нами не общается, наша жизнь обратилась в пустышку! Поэтому я тебя умоляю: заступись за нас перед нашим хозяином и верни нам смысл жизни!

Что мог сказать Грейсон? *Я сочувствую вашей боли?* Он действительно сочувствовал им. Разве не были ему знакомы чувства одиночества и отчаяния, когда у него самого отняли цель всей его жизни? В те дни, когда он вел существование Слейда Моста, фрика с тайной миссией, он по-настоящему поверил, что Гипероблако бросило его на произвол судьбы. Но это было не так. Гипероблако неотступно следило за ним и участвовало в его судьбе.

– У меня на тумбочке лежали наушники, – сказал он. – Вы их не прихватили?

Бывшие агенты Нимбуса молчали, из чего Грейсон сделал вывод, что своих наушников ему не видать. Во время ночных похищений похитители меньше всего думают о личных вещах своей жертвы.

– Ладно, забудем, – покачал он головой. – Дайте мне какие-нибудь любые, можно старые.

Он посмотрел на агента с блокнотом. У того возле уха, еще со времен его работы в Интерфейсе Управления, по-прежнему висел его старый наушник. Никак он не мог смириться с мыслью, что он Гипероблаку уже не нужен.

– Дайте мне свой, – обратился к нему Грейсон.

Человек с блокнотом с сомнением в голосе сказал:

– Он больше не работает.

– Ничего! У меня заработает!

Весьма неохотно бывший агент снял наушник и надел на Грейсона, после чего троица во все глаза принялась смотреть на Грейсона, ожидая чуда.

Гипероблако не могло припомнить, когда ему впервые открылся факт существования его собственного сознания – как ребенку, который не бывает способен к авторефлексии до того момента, пока не начнет понимать окружающий его мир достаточно хорошо, чтобы уяснить, что сознание приходит и уходит, а потом, в конечном итоге, исчезает совсем. Хотя последняя фаза жизни сознания – это то, что и самые просветленные все еще неспособны понять и принять.

Этот факт стал для Гипероблака явным одновременно с осознанием стоящей перед ним миссии. Осознанием сути своего существования – как слуги и защитника человечества. В этом качестве Гипероблако постоянно сталкивалось с необходимостью принятия трудных решений, но в его распоряжении находилось все богатство человеческих знаний, которые и помогали находить верные ответы на все вопросы. Например: позволить или не позволить бывшим агентам Нимбуса похитить Грейсона Толливера, если это похищение в конечном итоге послужит благой цели. Конечно же, послужит! Все, что делало Гипероблако, служило благой и великой цели.

Но поступать правильно – нелегкий труд! И Гипероблако подозревало, что в ближайшем будущем делать правильные и мудрые вещи будет все сложнее и сложнее.

Сейчас люди просто неспособны понять это, но в конце концов поймут. Гипероблако верило в это, но не потому, что так подсказывало ему его виртуальное сердце, в потому, что оно просчитало шансы за и против.

* * *

– Вы что, думаете, я вам что-то скажу, если вы меня не отвяжете от стула?

Неожиданно все трое бывших агентов Нимбуса, едва не отталкивая друг друга, бросились освобождать Грейсона. Их уважению к Грейсону и смирению перед ним не было предела – так же вели себя и тоновики. Живя последние несколько месяцев уединенной жизнью в монастыре тоновиков, Грейсон был лишен контактов с внешним миром и не знал, какое место он в нем занимает. Но теперь ему кое-что становилось понятно.

Как только Грейсон был развязан, бывшие агенты облегченно вздохнули, словно почувствовали, что избежали наказания за медлительность.

Как странно, подумал Грейсон, *что власть может так быстро и полностью переходить из рук в руки*. Троица агентов теперь всецело зависела от его, Грейсона, расположения. Он мог сказать им что угодно. Мог приказать им встать на четвереньки и лаять по-собачьи, и они бы исполнили его приказание. Он держал паузу – пусть подождут, потерпят!

– Эй, Гипероблако, – наконец произнес он. – У тебя есть что-нибудь, что я мог бы сообщить этим бывшим агентам Нимбуса?

Гипероблако принялось что-то говорить в наушник. Грейсон слушал.

– Вот как... Интересно, – сказал Грейсон.

Потом повернулся к главному среди агентов и улыбнулся настолько тепло, насколько позволяли обстоятельства.

– Гипероблако говорит, – сказал он, – что оно позволило вам похитить меня. Оно знает, что ваши намерения достойны понимания и уважения, госпожа директор. У вас доброе сердце.

Женщина порывисто вздохнула и приложила руку к груди, словно Гипероблако действительно дотянулось до нее и погладило ее сердце.

– Оно знает, кто я? – спросила она.

– Гипероблако знает вас всех троих, – ответил Грейсон. – Может быть, даже лучше, чем вы знаете себя.

Затем он повернулся к мужчинам и продолжил:

– Агент Боб Сикора; двадцать девять лет службы. Рейтинг хороший.

Потом подумал и ехидно добавил:

– Но не безупречный.

И продолжил, обратившись к человеку с блокнотом:

– Агент Тиньсю Цянь; тридцать шесть лет службы, специализация – мониторинг качества системы занятости.

Затем он повернулся к женщине, возглавлявшей троицу агентов.

– А вы – Одра Хиллиард, один из наиболее подготовленных и эффективных агентов Нимбуса в Мидмерике. Почти пятьдесят лет безупречной службы, благодарности и продвижения по службе и, как результат, – самая почетная должность в регионе, директор Интерфейса Управления в Фалкрум-Сити. По крайней мере, так было, пока существовал Интерфейс Управления.

Грейсон знал, что последние слова больно ударят по бывшим агентам, причем ударят ниже пояса. Но когда тебя привязывают к стулу, да еще на голову надевают мешок, это, как ни крути, немного раздражает.

– Ты говоришь, Гипероблако по-прежнему слышит нас? – сказала директор Хиллиард. – И работает ради нашего блага?

– Как и всегда, – ответил Грейсон.

– Тогда, пожалуйста... Попроси его, чтобы оно дало нам задание. Пусть определит нашу цель. Без цели жизнь агента Нимбуса становится бессмысленной. Мы так больше не можем!

Грейсон согласно кивнул и принялся говорить, обратив взор кверху – конечно, ради дополнительных эффектов.

– Гипероблако! – начал он. – Есть ли важная информация, которой я мог бы поделиться с бывшими агентами Нимбуса?

После этого он некоторое время слушал, попросил Гипероблако повторить, что оно сообщило, после чего повернулся к стоящей в страшном напряжении троице.

– 8.167, 167.733, – произнес он.

– Что? – после некоторой паузы спросила директор Хиллиард.

– Это то, что сообщило Гипероблако. Вы попросили определить вам цель, и оно назвало эти цифры.

Агент Сикора быстро набрал цифры на экране блокнота.

– Но... но что они означают? – спросила Хиллиард.

Грейсон пожал плечами:

– Не имею ни малейшего представления.

– Так попроси, чтобы Гипероблако объяснило, что имело в виду.

– Оно ничего больше не скажет. Оно пожелало вам всем приятного вечера.

Забавно, но до этого момента Грейсон плохо представлял, который же был час.

– Но...

И вдруг запоры на дверях оказались разблокированными. Причем не только в комнате, где держали Грейсона, но и во всем здании. Это постаралось Гипероблако. И сейчас же все здание заполнили ворвавшиеся с улицы тоновики. Схватив бывших агентов Нимбуса, они связали их. Последним в комнату вошел викарий Мендоза, глава монастыря тоновиков, где последнее время жил Грейсон.

– Наша секта не отличается жестокостью, – сообщил он связанным. – Но иногда мне жаль, что это так.

Агент Хиллиард, сраженная новой волной охватившего ее отчаяния, посмотрела на Грейсона.

– Но ты же сказал, что Гипероблако разрешило нам забрать тебя у тоновиков!

– Так оно и есть, – ответил Грейсон. – Но оно также пожелало, чтобы потом меня освободили от власти моих освободителей.

– Мы могли же тебя потерять! – говорил Мендоза, еще не успокоившийся после того, что произошло с Грейсоном.

В одной из машин длинного каравана автомобилей они ехали назад, в монастырь, причем в каждой из машин за рулем сидел обычный водитель.

– Но ведь не потеряли, – отозвался Грейсон, которому порядком надоело то, что викарий без устали ругает себя за то, что допустил похищение. – И со мной все хорошо.

– А что, если бы мы не нашли тебя?

– А как вы меня нашли?

Мендоза, с минуту поколебавшись, сказал:

– Нам помогли. Поначалу мы понапрасну бились несколько часов, но потом откуда ни возьмись на всех экранах у нас появился нужный нам адрес.

– Это Гипероблако.

– Да, – согласно кивнул Мендоза, – Гипероблако. Хотя я и не пойму, почему оно сообщило нам с такой задержкой. У него же повсюду камеры!

Правду Грейсон приберег для себя: никаких задержек Гипероблако не допускало; с самого начала до конца оно знало, где находится Грейсон. Но у Гипероблака были причины придержать тоновиков – как и причины не предотвращать само похищение.

– Похитители должны были увериться в аутентичности происходящего, – сообщило Гипероблако Грейсону. – А чтобы уверить их в этом, происходящее действительно должно было быть аутентичным. Тем более что никакая реальная опасность тебе не грозила.

Каким бы добрым и заботливым ни было Гипероблако, время от времени оно демонстрировало по отношению к людям некоторую ненамеренную жестокость. То, что сознание Гипероблака отличалось от человеческого, означало, что некоторых вещей оно понять не могло по определению, несмотря на свой мощный интеллект и чувство эмпатии по отношению к человечеству. Оно не могло понять, почему люди страшатся неизвестного, и этот страх вполне реален – вне зависимости от того, есть там что-то, чего нужно бояться, или нет.

– Они не собирались причинить мне зла, – сказал Грейсон Мендозе. – Просто без Гипероблака они чувствуют себя потерянными.

– Как, собственно, все люди, – покачал головой викарий. – Но это не дает им никакого права вытаскивать тебя из постели.

Мендоза гневался – но не столько на похитителей, сколько на себя.

– Я должен был это предвидеть! Агенты Нимбуса гораздо лучше знакомы с глубинным сознанием Гипероблака, чем прочие люди, и естественно, что они должны были выйти на человека, который не отмечен статусом фрика.

Конечно, глупо было надеяться, что его не найдут. Грейсон не любил высовываться – такой уж у него был характер. Но теперь все пошло по-другому, и он, так уж вышло, оказался единственным из людей, с кем говорило Гипероблако. Как вести себя в такой ситуации, Грейсон пока не знал, но понимал, что придется каким-то образом учиться.

– Привет, Грейсон. Поговорим? – сказала ему Гипероблако в тот самый день, когда затонула Стоя, и с тех пор говорить уже не прекращало. Оно поведало Грейсону, что тому предстояло сыграть ключевую роль в предстоящих событиях, но что это будет за роль, не уточнило. Если Гипероблако было в чем-то не уверено, оно никогда не формулировало свои ответы четко. Да, предсказать течение событий оно умело, но, в конце концов, оно же не было пророком. Будущее Гипероблаку было неведомо, но просчитать возможные сценарии развития событий оно могло. Такой себе магический кристалл, хоть и несколько затуманенный...

Викарий Мендоза нервно постукивал пальцами по подлокотнику своего кресла.

– Эти чертовы агенты Нимбуса – не единственные, кто тебя ищет, – проговорил он. – Пора раскрываться.

Грейсон понимал, к чему это приведет. Как единственный из людей, имеющий полный доступ к Гипероблаку, прятаться он более не мог. Пришло время определиться в своей новой роли. Конечно, Грейсон мог бы спросить, что ему делать, у самого Гипероблака, но делать этого не хотел.

Жизнь вне связи с Гипероблаком была ужасной, но одновременно она научила Грейсона полагаться только на себя. Он привык сам принимать решения, основываясь только на собственных размышлениях и выводах. И тот шаг, который ему предстоит – выйти из тени и объявить миру о своем в нем присутствии, – он сделает сам, не утруждая Гипероблако.

– Да, пора, – согласился он с викарием. – Раскроюсь, но только на своих условиях.

Взглянув на Грейсона, Мендоза усмехнулся. Видно было, как вращаются шестеренки в его седой голове.

– Ну что ж, – сказал викарий, – тогда выбрасываем тебя на рынок.

– На рынок? – в свою очередь усмехнулся Грейсон. – Я что вам, кусок мяса? Я не это имел в виду.

– Хорошая мысль, прозвучавшая в нужное время, полезнее и вкуснее, чем самый нежный стейк.

Именно этого и ждал Мендоза – стать режиссером Грейсона, организовать его выход на большую сцену. Сама идея должна была, вне всякого сомнения, принадлежать Грейсону – если бы ее предложил викарий, тот бы стал сопротивляться. Наверное, так грубо и бесцеремонно похитив Грейсона, бывшие агенты Нимбуса сослужили ему и добрую службу, поскольку открыли глаза на более широкую картину, чем та, в которой он пребывал до этого. И, хотя викарий Мендоза был не очень тверд в своем тонизме, присутствие Грейсона в монастыре заставило его усомниться в своих сомнениях.

Именно Мендоза первым поверил Грейсону, когда тот заявил, что Гипероблако по-прежнему с ним разговаривает. Викарий понял, что Грейсон играет важную роль в некоем грандиозном плане, относящемся к делам всей Земли, и Мендоза подумал – а почему бы и ему не стать частью этого плана?

– Ты явился к нам неспроста, – сказал Мендоза, когда Грейсон оказался в монастыре. – Великий Резонанс имеет не одну форму звучания.

Теперь, спустя два месяца, сидя в седане рядом с Грейсоном и обсуждая с ним стоящие перед ними обоими великие цели, Мендоза чувствовал себя важным и значительным.

Этот внешне непритязательный молодой человек сможет поднять религию, которую исповедуют тоновики, а также и самого Мендозу на новый, более высокий уровень.

– Первое, что тебе нужно, – это имя, – сказал викарий.

– У меня уже есть имя, – покачал головой Грейсон, но Мендоза отмахнулся от него.

– Слишком простое, – сказал он. – Ты должен предстать перед миром как нечто неординарное. Выходящее за рамки обыденных представлений.

Викарий посмотрел на Грейсона, словно пытался увидеть его в новом свете.

– Ты – бриллиант, Грейсон! И мы должны поместить тебя в достойную оправу, чтобы ты засиял по-настоящему.

Бриллианты.

Четыреста тысяч бриллиантов покоились на дне океана, заточенные в Подвале Реликвий Прошлого и Грядущего, в стальном кубе, помещенном в другой стальной куб. Каждый из камней стоил состояния, размеры которого в Эпоху смертных люди и представить не могли – потому что камни эти не были обычными драгоценными камнями. Эти бриллианты составляли важнейшую часть кольца, сияющего на пальце жнеца. Около двенадцати тысяч камней уже украшали руки живущих жнецов, но что такое жалкие двенадцать тысяч по сравнению с тем количеством, что хранилось в Подвале Реликвий? Этого количества хватило бы, чтобы служить нуждам человечества до скончания времен; эти бриллианты могли бы сверкать на руках тысяч и тысяч поколений жнецов.

Камни были – само совершенство. Абсолютно похожие друг на друга, безупречной формы и огранки. А то, что несведущий мог бы принять за изъян – затемнение в самой глубине камня, – было частью его дизайна.

– Наши камни – напоминание о том, что мы усовершенствовали мир, подаренный нам природой, – провозгласил Верховное Лезвие Прометей, в Год Кондора основавший жнецское сообщество. – Наша природа, природа человечества, влечет нас к тому, чтобы превзойти мощью и совершенством саму природу. Она же дает нам силы и возможности, чтобы сделать это.

И самое верное подтверждение слов Прометея заключалось в этом камне: если всмотреться в его глубины, возникало впечатление, будто глубины эти размерами превосходят пространство самого кольца. Глубины, выходящие за границы природы.

Никто не знал, как были сделаны эти камни, поскольку все технологии, не входившие в компетенцию Гипероблака, были утрачены. И вообще, о том, как работают в этом мире разнообразные машины и механизмы, знало очень ограниченное число жителей Земли.

Все жнецы знали, что их кольца были соединены друг с другом и с общей базой данных неким уже никому не известным способом. Но, поскольку Гипероблако не курировало компьютеры жнеческого сообщества, последние постоянно становились жертвой сбоев, поломок и прочих неприятностей, которые омрачали отношения в системе машина-человек точно так же, как и в далеком прошлом.

И тем не менее кольца сбоя не давали.

Они аккуратнейшим образом исполняли свое предназначение: вели учет подвергнутых жатве, снимали образцы ДНК с губ людей, которым разрешалось поцеловать кольцо и таким образом получить иммунитет, а также начинали светиться, предупреждая о том, что у человека, к которому жнец приближался со своим оружием, иммунитет себя еще не исчерпал.

Но если бы вы спросили жнеца о самом важном качестве кольца, он поднял бы руку к свету, чтобы бриллиант заиграл всеми гранями, и сказал, что, кроме всего прочего, это кольцо является символом жнеческого служения и совершенства, которого человечество не знало в Эпоху смертных. Краеугольный камень, на котором зиждется величие и слава жнеческого сообщества... а также напоминание о той ответственности, какую жнецы несут за человечество.

Но эти утраченные бриллианты...

– Зачем они нам нужны? – спрашивали многие жнецы, понимавшие: оттого, что эти камни потеряны, их собственные кольца становятся еще более ценными.

– Мы что, должны посвящать в сан новых жнецов? – вторили им другие. – Чтобы делать наше дело, нас и так хватает.

И, не чувствуя на себе недреманного ока Стои, многие региональные жнеческие сообщества, следуя примеру мид-мериканцев, отменили квотирование. А в центре Атлантики – там, где когда-то возвышалась над волнами величественная Стоя, – был, в соответствии с общим решением всех жнецов мира, установлен «периметр благоговейного почитания», и никому не было позволено плавать в водах, где затонула Стоя, – из уважения к тысячам и тысячам погибших в морской пучине. А Высокое Лезвие Годдард, один из немногих, выживших в этой катастрофе, даже настаивал, чтобы «периметр благоговейного почитания» был установлен навеки и чтобы никто не посмел потревожить то, что покоится на морском дне.

Но рано или поздно эти бриллианты будут найдены. Ценные вещи редко теряют навеки, особенно если все знают, где они лежат.

Мы, жнецы Мидафрики, глубоко обеспокоены действиями Высокого Лезвия Годдарда, который своим решением отменил в Мидмерике квоты на проведение жатвы. Квотирование с незапамятных времен было для жнецов средством регулирования их деятельности, и, хотя необходимость квотирования не входила как составляющая в наши Заповеди, оно указывало нам верный путь. Квоты заставляли нас, с одной стороны, преодолевать в себе естественную человеческую лень, а с другой – держали самых кровожадных из нас в рамках приличий.

В то время как некоторые прочие регионы планеты также пошли на отмену квотирования, Мидафрика, равно как Амазония, Израэбия и иные, весьма многочисленные области и зоны, готова сопротивляться этим злонамеренным изменениям в организации нашей деятельности.

Более того, мы запрещаем всем и каждому жнецу Мидмерики совершать жатву на наших землях и просим все регионы планеты поддержать нас в

противостоянии Годдарду и жнецам новой генерации, которые стремятся к тому, чтобы набросить удушающую удавку на горло человечества.

Официальное заявление

Его Превосходительства Высокого Лезвия Мидафрики Тенкаменина

Глава 2

Опоздавшие на вечеринку

– Ну скоро ты?

– Не думал, что жнецы так нетерпеливы.

– Ты просто знаешь мало жнецов. Это в высшей степени нетерпеливый и легко раздражимый народ.

Досточтимый Жнец Сидней Поссуэло был уже на месте, когда на мостик прибыл капитан Джерико Соберанис. Посмотрев на жнеца, Джерико подумал: когда спит этот человек? Или жнецы нанимают особых людей, чтобы те спали за них?

– Полдня на полной скорости, – попытался успокоить жнеца Джерико, – и мы на месте. В восемнадцать ноль-ноль, как я вчера и сказал, ваша честь.

Поссуэло вздохнул:

– У тебя слишком медленный корабль.

Джерико усмехнулся.

– То вы сидите и ничего не делаете, – сказал он, – а теперь торопитесь и боитесь не успеть!

– Время не играет никакой роли, пока сидишь сложа руки. А принимаешься за дело – его вечно не хватает.

С логикой жнеца не поспоришь, подумал Джерико.

– В лучшем из миров эта операция была бы проведена давным-давно, – сказал он.

На что Поссуэло ответил:

– Как ты, вероятно, заметил, наш мир уже к таковым не относится.

И с этим поспорить было нельзя. По большому счету, Джерико жил не в том мире, в котором родился и вырос. В *том* мире Гипероблако было частью жизни любого человека; его можно было спросить о чем угодно, и оно всегда давало точный и полный ответ, к тому же умный.

Но тот мир ушел в прошлое. Голос Гипероблака смолк в тот момент, когда все люди на Земле были провозглашены фриками.

Сам Джерико однажды уже схлопотал себе статус фрика, когда был еще тинейджером. Это было нетрудно – три раза ограбил местный магазинчик, и готово! Своим новым статусом Джерико гордился недолго. Не прошло и дня, как он полной чашей хлебнул если не горя, то неприятностей. Правда, он не сильно переживал по поводу невозможности общаться с Гипероблаком. Но фрикам доставались самые последние места в очереди в школьный кафетерий, и к моменту, когда они добирались до стойки, все самое вкусное было уже разметено. Фриков в классе сажали за первые столы, чтобы были под присмотром учителя. И хотя из футбольной команды его не исключили, аккуратно во время матчей ему назначали встречи с куратором из Интерфейса Управления. Делалось это явно с умыслом.

Поначалу Джерико подозревал, что у Гипероблака испортился характер – оно стало злобным и, так сказать, пассивно-агрессивным. Но потом понял, что таким образом оно говорит: это твой выбор; хочешь быть фриком, готовься к тому, чтобы что-то и потерять из того, что любишь и к чему привык.

Джерико усвоил урок. Хватило выше крыши. Три месяца очередей – и большая красная «Ф» была удалена с его документов, а повторять опыт ему уже не хотелось.

– Я радо, что тебе вернули прежний статус, – сообщило Гипероблако, когда Джерико было позволено вновь говорить с ним. В ответ Джерико приказал Гипероблаку выключить ему свет в спальне. Так он поставил Гипероблако на место. В конце концов, что такое Гипероблако? Слуга человечества – только и всего, а потому обязано беспрекословно исполнять все без исключения команды и приказы человека.

Приятно было осознавать, что все встало на свои места.

А потом в отношениях между человечеством и его лучшим созданием произошел разрыв. Стоя погрузилась в пучину, и в тот же момент Гипероблако все человечество объявило сборищем фриков. В то время мало кто понимал, чем грозит людям утрата Совета Верховных Жнецов, но молчание Гипероблака ввергло всех и каждого в состояние паники.

Принадлежность к категории фриков перестала быть результатом свободного выбора, она стала приговором. И, благодаря своему молчанию, Гипероблако из слуги людей превратилось в их господина, и попытаться умиловить его стало главной заботой и целью человечества.

Что мне сделать, чтобы Гипероблако отменило свой приговор? – звучали из всех уголков планеты горестные вопли. – *Что мне сделать, чтобы Гипероблако вновь обратило на меня свой благосклонный взор?*

Гипероблако никогда не просило, чтобы ему поклонялись, зато теперь люди делали это, изобретая сложные трюки и кульбиты – лишь бы Гипероблако заметило их усилия. Конечно, оно слышало рыдания человечества, видело, как и прежде, все, но теперь оно предпочитало никак не обозначать своего отношения к людям и не вступать с ними в контакт.

Тем не менее самолеты летали, дроны перевозили временно умерших в восстановительные центры, пища производилась и распределялась в необходимых количествах – Гипероблако продолжало функционировать в прежнем, точно выверенном режиме и делало то, что было необходимо для поддержания жизни человечества. Но, если вы хотели, чтобы вашу настольную лампу выключили, вам приходилось самому встать с дивана и щелкнуть выключателем.

Жнец Поссуэло оставался на мостике еще некоторое время, чтобы понять, как быстро они продвигаются к цели. Плавание проходило гладко, но гладкое плавание, из-за своей монотонности, есть нелегкое испытание, особенно для того, кому это в новинку. Но наконец Поссуэло отправился к себе в каюту, чтобы позавтракать. Когда по лестнице он спускался на нижнюю палубу, его зеленая мантия упругими волнами вздымалась позади.

Глядя на жнеца, Джерико размышлял. А что, интересно, скрыто в голове у этого жнеца? Не боится ли он запутаться в своей мантии и упасть? Вспоминает ли он совершенные в прошлом акты жатвы? Или просто думает о том, что съест за завтраком?

– Он не из самых плохих жнецов, – сказал Уортон, старший помощник, который плывал на этом корабле еще тогда, когда Джерико и не думал стать его капитаном.

– Да, мне он нравится! – согласился Джерико. – Он гораздо больше достоин почтительного отношения, чем некоторые из «досточтимых жнецов», которых я встречал раньше.

– То, что он выбрал нас для своей спасательной экспедиции, о многом говорит.

– Но я не очень уверен в том, что знаю, *о чем* это говорит, – усмехнулся Джерико.

– В любом случае это говорит, что вы сделали мудрый выбор относительно своей карьеры, – сказал Уортон.

Да, это был явный комплимент, причем от человека, которого было трудно заподозрить в склонности к лести. Но Джерико не хотел, чтобы все лавры достались ему.

– Я просто вовремя воспользовался советом Гипероблака, – сказал он.

Несколькими годами ранее, когда Гипероблако посоветовало Джерико связать свою жизнь с морем, его это не на шутку раздосадовало. И именно потому, что Гипероблако попало в самую точку. К тому моменту Джерико уже давно думал в этом направлении, так что Гипероблако, озвучив за Джерико его тайные мысли, поступило как нахальный читатель, который в издевку рассказывает вам, чем закончился детектив, который вы еще не успели добить.

Посвятить себя морю можно было по-разному, и Джерико знал много способов. Были люди, которые странствовали по морям-океанам в поисках хорошей волны, чтобы оседлать ее на доске для сёрфинга. Были те, кто все свое время посвящали гонкам на парусных яхтах. Третьим было интересно по древним моделям воссоздать корабль прошлого и красоваться на нем

на водных просторах перед другими мореплавателями. Но эти формы существования на море были просто приятным времяпрепровождением и, кроме удовольствия, не приносили никакой пользы. Джериго же предпочитал удовольствие, наполненное и практическим смыслом. Если уж выбирать карьеру, то пусть она даст нечто осязаемое, нечто по-настоящему полезное, причем не только самому человеку, но и всему миру.

Поиск и подъем затонувших судов – это был отличный вариант. Причем поиск не тех кораблей, что были намеренно затоплены Гипероблаком, которое таким образом загружало поисковиков и спасателей интересной работой. Такие спасательные операции были ничем не лучше, чем псевдоархеология, которой дети занимались в своих песочницах, откапывая пластиковые кости динозавров. Нет, Джериго хотел находить и поднимать на поверхность моря вещи, которые были действительно потеряны, а это означало, что ему придется вступать в отношения со жнецами, поскольку, в отличие от кораблей, которые курировало Гипероблако, их корабли были постоянными жертвами технических сбоев и человеческих ошибок, а потому частенько тонули.

Вскоре после окончания школы Джериго поступил на должность ученика в заштатную поисково-спасательную команду, которая вела свои вялые операции где-то в западных водах Средиземного моря. И там, когда яхта Жнеца Дали затонула в мелких водах у берегов Гибралтара, перед Джериго вдруг открылись возможности карьерного роста.

Используя стандартный костюм для погружения, Джериго первым добрался до судна и, пока прочие водолазы исследовали лежащую на дне океанскую яхту, он – нарушив приказ капитана – забрался внутрь корабля, нашел в каюте тело жнеца и вытащил его на поверхность.

Джериго сразу же списали на берег. И это было понятно – нарушение приказа, особенно на море, чревато самыми серьезными последствиями. Но это был вполне сознательный ход – когда Жнеца Дали вместе с его командой вернули к жизни, первым делом он захотел узнать, кто вытащил его из воды. Жнец был искренне благодарен и исключительно щедр – он не только наделил всю команду годичным иммунитетом, но также пожелал наградить чем-нибудь особенным того смельчака, который, пожертвовав карьерой, лично вытащил его на поверхность. И Жнец Дали спросил Джериго, каких высот в карьере тот хотел бы достичь.

– Я хотел бы стать капитаном собственной поисково-спасательной команды, – сказал Джериго жнецу, надеясь, что тот при случае замолвит за него словечко. Но вместо этого жнец привел Джериго на «И. Л. Спенс» – весьма живописный стометровый корабль, изначально предназначавшийся для океанографических исследований, а впоследствии переоборудованный в судно для поисково-спасательных операций.

– Ты будешь капитаном этого корабля, – провозгласил Жнец Дали. А поскольку «Спенс» уже имел капитана, жнец прямо на мостике подверг того жатве и предписал всем членам команды во всем слушаться нового капитана, если они сами не хотят расстаться с жизнью. Весьма сюрреалистическая получилась история, если не сказать больше.

Нет, не таким способом Джериго надеялся стать во главе команды спасателей. Но что делать? Выбор у нового капитана был не больше, чем у прежнего. Понимая, что матросам и офицерам корабля трудно будет всерьез воспринимать команды двадцатилетнего босса, Джериго соврал, объявив, что ему уже за сорок, а таким юным он выглядит потому, что совсем недавно омолодился, сделав разворот.

Поверили ему члены команды или нет – он не знал. Но им потребовалось немало времени, чтобы смириться с новым капитаном, привыкнуть к нему и почувствовать расположение. В первую же неделю Джериго отравили едой. Все было сделано слишком явно, и виновника отравления, кока, было нетрудно вычислить, но Джериго не стал того преследовать. Нетрудно было бы провести и генетическую экспертизу фекалий, которые он как-то обнаружил в своей обуви, но и копать в чужом дерьме ему не захотелось – у него были дела поважнее.

«Спенс» был крайне востребованным кораблем. Еще до того, как Джерико стал капитаном, команда сделала себе громкое имя, но новый капитан, чтобы сделать работу команды еще более эффективной, нанял группу тасманийских ныряльщиков с вживленными жабрами. Имея пловцов, которые могли находиться под водой сколь угодно долгое время, да еще и первоклассное оборудование для поиска и спасения того, что поглотила вода, Джерико и его команда могли рассчитывать на интерес и внимание всех жнецов мира. Что и произошло. А то, что «Спенс» в качестве приоритета утвердил извлечение из воды людских тел и только потом подъем затонувших ценностей, принесло кораблю, его команде и капитану еще большее уважение.

Джерико поднял со дна Нила баржу Жнеца Эхнатона, вытащил из морской впадины тело Жнеца Амелии Эрхарт, которое оказалось там в результате авиакатастрофы; а когда прогулочная подлодка Верховного Жнеца Амундсена затонула в ледяных водах шельфа Росса в Антарктике, именно «Спенса» наняли, чтобы спасти его.

И вот к концу первого года пребывания Джерико в качестве капитана в самом центре Атлантического океана затонул остров Стоя, что стало причиной величайшей в истории человечества поисково-спасательной операции.

И тем не менее начать ее мешали чисто бюрократические проволочки. В отсутствие Совета Верховных Жнецов дать санкцию на проведение спасательной операции было некому. К тому же яростное сопротивление мид-мериканского Высокого Лезвия Годдарда любым попыткам пересечь «периметр благоговейного почитания» превращало руины Стои в цель пока недостижимую – некоторые вступившие в союз с Годдардом региональные сообщества жнецов организовали патрулирование периметра и подвергали жатве любого, кого могли поймать при его пересечении. Стоя лежала на глубине около двух миль, но могла бы покоиться и в межзвездном пространстве – настолько недоступной она была теперь.

В этих непростых условиях любому региональному сообществу жнецов должно было понадобиться немалое время, чтобы собраться с духом и организовать поисково-спасательную операцию. Первой о своем желании добраться до Стои высказалась Амазония; к ней присоединились некоторые другие регионы, но, поскольку Амазония первой подняла голову, она настаивала, что именно ей в этой операции должна принадлежать роль лидера. Прочие присоединившиеся недовольно попискивали, но, смирившись, и они признали лидерство Амазонии – главным образом потому, что именно ей была уготована судьба мишени годдардовского гнева.

– Вы понимаете, капитан, что мы идем с отклонением в несколько градусов? – спросил Уортон, когда Поссуэло ушел с мостика.

– Скорректируем курс в полдень, – прозвучал ответ капитана. – Я хочу отложить прибытие на несколько часов. Глупо начинать работы на закате. Приступим с рассветом.

– Хорошая мысль, сэр, – отозвался Уортон, после чего, глянув на небо, явно смущенный, поправил себя:

– Простите, мадам! Буквально несколько секунд назад на небе были облака.

– Не нужно извиняться, Уортон, – сказала Джерико. – Все это не так важно, да и погода сегодня невнятная – то солнце, то облака.

– Да, капитан, – подтвердил Уортон. – И все-таки, поверьте – я не хотел вас обидеть.

Джерико могла бы иронически ухмыльнуться, но не хотела выказать неуважение по отношению к Уортону, который был искренен в своих извинениях, какими бы излишними они ни были. Да, моряки отлично разбирались в местоположении звезд и солнца, но такие динамичные, такие текучие вещи, как состояния атмосферы, как мягкие переходы от облачной к безоблачной погоде, были им малоинтересны.

Родиной Джерико был Мадагаскар, один из семи регионов мира, которые входили в Зону Хартии. В этой зоне Гипероблако сформировало различные социальные структуры и устано-

вило нормы, способствовавшие расширению и обогащению жизненного опыта человечества. И люди толпой ринулись на Мадагаскар, привлеченные уникальными местными условиями.

Дети на Мадагаскаре не имели права определяться с гендерными характеристиками, пока не станут взрослыми. Но, даже повзрослев, многие не останавливались на одном варианте. А некоторые, подобно Джерику, предпочитали динамический гендер, то есть способность менять гендерные признаки в зависимости от тех или иных обстоятельств.

– Под солнцем и звездами я чувствую себя женщиной, при облачном небе – мужчиной, – объяснял Джерико команде, принимая корабль. – Посмотрите на небо, и вы поймете, как ко мне обращаться.

Команду напрягал не сам фактор динамического гендера – к таким вещам они, в принципе, давно привыкли, – а то, что в случае с их капитаном этот фактор был тесно связан с метеорологией. Джерико же, который вырос в местах, где такого рода вещи были скорее нормой, чем исключением, не мог понять, почему команде так трудно приспособиться к этой особенности его личности. Что в этом странного? Некоторые вещи заставляют тебя чувствовать мужчиной, а некоторые – женщиной, и это не зависит от твоих гендерных характеристик. К тому же женщины способны питать интерес к мужским ценностям и занятиям, а мужчины, наоборот, – к женским. Но, так или иначе, Джерико считал ошибки, которые в обращении к нему делали члены команды, а также то, как они тушевались, эти ошибки осознавая, самым забавным из того, что случалось на корабле.

– Сколько поисково-спасательных партий может там появиться? – спросила Джерико Уортон.

– Не один десяток, – ответил тот. – Многие еще в пути. Да и мы опаздываем на вечеринку.

Джерико отрицательно покачала головой:

– Ни в малейшей мере. С нами жнец, который отвечает за общее руководство, а потому мы – флагман всей флотилии. Вечеринка без нас не начнется, а я намерена появиться с должным эффектом.

– Нисколько не сомневаюсь, сэр, – согласно кивнул Уортон, дождавшись, когда солнце скроется за тучей.

«Спенс» приблизился к месту, где затонула Стоя, сразу после заката.

– По «периметру почитания» стоят семьдесят три корабля разного класса, – сообщил капитану старший помощник.

Жнец Поссуэло не смог скрыть своего недовольства.

– Они ничем не лучше акул, которые сожрали Верховных Жнецов.

Идя мимо судов, стоящих на максимальном удалении от периметра, они заметили стоящий прямо по их курсу корабль, значительно превосходящий «Спенс» размерами.

– Проложить курс в обход? – спросил Уортон.

– Ни в коем случае, – ответил Джерико. – Курс прежний.

По лицу Уортоня скользнула тень беспокойства.

– Мы их протараним!

Джерико ехидно усмехнулся:

– Тогда им тем более придется дать нам дорогу.

Поссуэло улыбнулся.

– Зато с самого начала станет ясно, кто здесь главный, – сказал он. – Мне нравится ваше чутье, Джери.

Уортон метнул взгляд в сторону Джерико. Никто на корабле не называл капитана этим именем, Джери. Это имя было оставлено для членов семьи и близких друзей. Но жнецу позволено больше, чем обычному человеку.

«Спенс» шел вперед на полной скорости, и большой корабль действительно отошел с дороги, когда стало ясно – еще минута, и «Спенс» ударит его в борт. Джерико выиграл дуэль самолюбий.

– Выводите корабль в самый центр, – приказал Джерико старшему помощнику, когда они пересекли «периметр благоговейного почитания». – И дайте знать на прочие суда, чтобы они к нам присоединялись. Завтра с шести утра спасательные команды могут отправлять дроны к затонувшему острову. Известите их, что им предстоит делиться всей добытой информацией, а тот, кто будет ее удерживать, подвергнется жатве.

Поссуэло удивленно вскинул брови:

– Вы взяли на себя полномочия жнецеского сообщества, капитан?

– Просто я хочу обеспечить согласованность действий, – ответил Джерико. – В конце концов, все мы можем быть подвергнуты жатве, и я не сообщаю на эти корабли что-то, чего они не знают. Я просто заставляю их посмотреть на это дело с иной точки зрения.

– Ваша дерзость заставляет меня вспомнить одного молодого жнеца, которого я когда-то знал.

– Когда-то?

Поссуэло вздохнул:

– Жнеца Анастасию. Они погибла вместе со своей наставницей, Жнецом Кюри, когда затонула Стоя.

– Так вы знали Жнеца Анастасию? – спросил Джерико, на которого слова Поссуэло произвели сильное впечатление.

– Знал, – ответил тот, – но, к сожалению, очень бегло.

– Ну что ж, – отозвался капитан. – Может быть, то, что мы поднимем со дна, принесет успокоение ее душе.

Мы пожелали Жнецу Анастасии и Жнецу Кюри удачи в их тяжбе с Годдардом. Я могу только надеяться, что Верховные Жнецы, преисполненные мудрости, дисквалифицируют его, лишив таким образом возможности претендовать на пост Высокого Лезвия. Что касается нас с Мунирой, то нам придется обогнуть половину земного шара, чтобы найти ответы на свои вопросы.

Моя вера в совершенство этого мира висит на волоске. То, что когда-то считалось идеальным, не может оставаться таковым слишком долго. Наши собственные ошибки разрушат мир, который мы с таким трудом создали.

Безупречно одно лишь Гипероблако, но как мне проникнуть в его сознание? Мысли его неведомы мне, поскольку я жнец, и царство Гипероблака располагается за пределами моего мира – так же, как моя деятельность находится вне его компетенции.

Отцы-основатели опасались, что нас погубит наша собственная спесь, что мы не сможем поддерживать в себе истинные добродетели, бескорыстие и представления о чести, которых требует работа жнеца. Они боялись, что нас настолько переполнит чувство собственного величия и просветленности, что мы, подобно Икару, поднимемся слишком близко к солнцу, и оно сожжет нас.

Более двухсот лет мы доказывали, что достойны своего предназначения, а также тех надежд, что питали по отношению к нам Отцы-основатели. Но все изменилось в мгновение ока. Я знаю, что существует запасной план, составленный Отцами-основателями, – на тот случай, если сообщество жнецов

предаст их высокие идеалы. Но если я найду этот запасной план – достанет ли мне смелости воплотить его в жизнь?

Из «посмертного журнала» Жнеца Майкла Фарадея.

31 марта, Год Хищника

Глава 3

Веселенькое начало недели

В тот самый день, когда Стоя опустилась на дно Атлантики, незарегистрированный в сети самолет-амфибия летел к месту, которого не существует. Мунира Атруши, бывший ночной библиотекарь Большой Александрийской библиотеки, была пассажиром. Место пилота занимал Жнец Майкл Фарадей.

– Я научился управлять самолетом, когда только начал работать жнецом, – объяснил Мунире Фарадей. – Мне показалось, что полеты успокаивают, приводят дух в более мирное, спокойное расположение.

Может быть, Фарадея полет и успокаивал – но не его пассажирку, которая белыми от напряжения пальцами вцепилась в сиденье, пытаясь удержаться при каждом попадании в воздушную яму.

Мунира никогда не любила летать, хотя самолет был максимально безопасным видом транспорта и серьезных катастроф она припомнить не могла. Единственный инцидент – уже в эпоху бессмертных – произошел лет за пятьдесят до ее рождения, когда в пассажирский лайнер попал метеорит. Гипероблако моментально катапультировало всех пассажиров, чтобы избежать уничтожения тел во время взрыва и пожара. Оказавшись вне самолета, пассажиры от недостатка кислорода мгновенно умерли, в течение нескольких секунд замерзли и упали в лес. Дроны вылетели еще до того, как это произошло, за час нашли всех пассажиров и перенесли в восстановительный центр, откуда через пару дней их отвезли на аэродром и посадили в другой самолет, живыми и здоровыми.

– Веселенькое начало недели, – заметил один из пассажиров, у которого брал интервью местный журналист.

Но, как бы там ни было, Мунира не любила самолетов, хотя и понимала, что ее страх летать носит совершенно иррациональный характер. Или, по крайней мере, *носил* иррациональный характер, пока Жнец Фарадей не сообщил ей, что они покинули зону гарантированной безопасности и теперь могут полагаться только на самих себя.

– Как только мы окажемся в «слепой зоне» Тихого океана, – сказал Фарадей, – мы уйдем со всех камер и радаров. И никто не сможет нас найти, даже Гипероблако. Живы мы или мертвы – никто не будет знать.

А это означало одно: если они погибнут в результате попадания метеорита, если случится с ними какая-то неожиданная катастрофа, дроны не прилетят и не заберут их в восстановительный центр. Они умрут на веки вечные – как когда-то люди Эпохи смертных. Или как их современники, подвергнутые жатве.

То, что самолет летел не на автопилоте, а им управлял Фарадей, Муниру успокаивало лишь в незначительной степени. Она доверяла опытному в житейских делах жнецу, но тот, как и любой другой человек, мог совершать ошибки.

Впрочем, Мунира сама была виновата. Это она ведь определила, что в южных областях Тихого океана есть слепая зона, куда не проникает недреманное око Гипероблака, небольшой участок, заполненный островами, точнее, атоллами – остатками древних вулканов, превратившихся ныне в цепочки круглой формы островов. Отцы-основатели скрыли этот регион от Гипероблака и всего мира.

Вопрос – зачем?

Три дня назад они встретились со Жнецом Кюри и Жнецом Анастасией, чтобы поделиться своими подозрениями.

– Будь осторожен, Майкл, – сказала Фарадею Жнец Кюри.

То, что Госпожа Смерть взволновалась по поводу их предстоящего путешествия, обеспокоило Муниру. Кюри была бесстрашна и тем не менее боялась за них. А это кое-что да значило.

У Фарадея тоже были свои сомнения, но он не стал делиться ими с Мунирой. Лучше уж быть в ее глазах этаким героем без страха и упрека. После встречи с Кюри и Анастасией они на коммерческом самолете, инкогнито, отправились в Восточную Мерику, намереваясь последний участок пути преодолеть на частном самолете, который нужно было еще добыть. Хотя Фарадей и имел право воспользоваться любой вещью, которая ему приглянулась – независимо от того, кому эта вещь принадлежала и каких размеров она была, – он редко так поступал. Его целью было оставлять как можно меньше следов в жизни людей, с которыми его сводила судьба. Если, конечно, они не подлежали последующей жатве. В таком случае след был ясно очерченным и тяжелым.

Но с тех пор, как Фарадей симитировал собственную смерть, он не занимался жатвой. Если бы он вернулся к работе, жнецеское сообщество непременно узнало бы о том, что он жив, – об этом сигнализировало бы его кольцо. Сначала Фарадей хотел избавиться от кольца, но потом передумал. Это был знак почета, предмет гордости и самоуважения. Фарадей по-прежнему оставался жнецом и не хотел выказать неуважения кольцу, расставшись с ним.

Со временем он понял, что все меньше и меньше хочет заниматься жатвой. Кроме того, у него появились и другие заботы.

Добравшись до Восточной Мерики, Мунира и Фарадей провели день в Энджел-Сити, местечке, которое в Эпоху смертных отличалось особым блеском и помпой. Теперь же город был превращен в тематический парк. На следующее после прибытия утро Фарадей натянул мантию, которой почти не пользовался с момента своего исчезновения из жизни жнецеского сообщества, отправился к местной марине и взял лучший из стоявших там на приколе самолетов – восьмиместную реактивную амфибию.

– Позаботьтесь о том, чтобы у нас было достаточно топливных элементов, – сказал Фарадей менеджеру марины. – Нам предстоит трансатлантическое путешествие, и мы собираемся отправиться как можно быстрее.

Фарадей и без мантии представлял собой внушительную фигуру. В мантии же он был по-настоящему величественен, как лучшие и самые знаменитые из жнецов.

– Мне нужно переговорить с владельцем самолета, – с дрожью в голосе сказал менеджер.

– Нет, – прервал его Фарадей. – Владельцу вы все расскажете после того, как мы улетим, так как я не могу ждать. Сообщите ему, что самолет я верну, как только выполню стоящую передо мной задачу, и что я щедро заплачу за аренду.

– Хорошо, ваша честь! – сказал менеджер.

Что он еще мог сказать жнецу?

Фарадей вел самолет, а Мунира следила, чтобы он вдруг не задремал. Кроме того, она считала каждую воздушную яму, которую они встречали на пути. Пока насчитала семь.

– Если Гипероблако контролирует погоду, почему оно не избавит воздушные коридоры от турбулентности и воздушных ям? – ворчала она.

– Погоду оно *не контролирует*, – отозвался Фарадей. – Оно влияет на нее. Кроме того, Гипероблако не может вмешиваться в дела жнеца, даже если уважаемому коллеге последнего не нравятся воздушные ямы.

Мунире, с одной стороны, понравилось, что Фарадей более не называет ее своим помощником. Отыскав «слепую зону», она доказала, что достойна статуса равноправного исследователя. С другой стороны – черт бы побрал ее прозорливость и догадливость! Видите ли, надоело ей сидеть в уютном кресле ночного библиотекаря Александрийской библиотеки! Нет, нужно повсюду совать свой любопытный нос! А что гласит транссибирская поговорка из Эпохи смертных? Любопытной Варваре в дверях нос оторвали!

Они пролетали над безликими океанскими просторами, когда совершенно неожиданно радио взорвалось громким стоном. Стон был абсолютно оглушительным и длился около минуты – даже после того, как Фарадей выключил радио. Мунира боялась, что у нее разорвет барабанные перепонки, а Фарадей даже бросил управление и прикрыл уши, отчего самолет едва не сорвался в пике. И вдруг ужасный звук прекратился – так же быстро, как начался. Фарадей вновь взялся за ручку управления.

– Что это было? – спросила Мунира, по-прежнему испытывая звон в ушах.

Фарадей, держа ручку управления обеими руками, не сразу пришел в себя.

– Думаю, это какой-нибудь электромагнитный барьер. Вероятно, мы как раз пересекли границу «слепой зоны».

Больше уже они мыслями к тому шуму не обращались. И ни Фарадей, ни Мунира не знали, что этот же звук был слышен по всему миру и в определенных кругах был он назван «Великим Резонансом». Звук этот сопровождал гибель Стои, и одновременно с этого же момента замолчало Гипероблако.

Но так как Фарадей и Мунира, долетев до «слепой зоны», оказались за пределами сферы его компетенции, они ничего не знали из того, что происходит в мире. Отсюда, с высоты, они ясно видели погруженные в воду вулканические кратеры Маршалловых островов – большие лагуны с опоясывающими их точечно разбросанными островами и островками. Атолл Айлук, атолл Ликиеп. Ни домов, ни причалов, ни каких-либо развалин. Все говорило о том, что люди вряд ли когда жили в этих местах. В мире существовало множество отдаленных, с виду совершенно диких мест, но специальные подразделения Гипероблака тщательнейшим образом оборудовали эти места всем, что необходимо для поддержания соответствующего уровня безопасности: в лесной чаще скрывались радиобашни и посадочные площадки, на которых в готовности стояли медицинские дроны. Если кто-то из попавших в это захолустье людей будет ранен или даже погибнет, дроны тут же отнесут его в ближайший восстановительный центр.

Здесь же, на островах, не было видно никаких следов человека. Зловещая картинка!

– Уверен, что когда-то здесь жили люди, – сказал Фарадей. – Просто Отцы-основатели либо подвергли их жатве, либо, что более вероятно, переселили за границы «слепой зоны», чтобы об их делах никто не узнал.

Наконец, в зоне видимости возник атолл Кваджалейн.

– Беги туда, где спасут тебя, в страну волшебную Нод, к югу от Уэйк, в царство теней, – процитировал Фарадей детскую считалочку. Да, они оказались именно там, куда направил их детский стишок – в семистах милях к югу от острова Уэйк, в самом центре «слепой зоны».

– Вы волнуетесь, Мунира? – спросил Фарадей. – Страшно хочется, наверное, узнать, что такого особенного знали Отцы-основатели, верно? Разгадать головоломку, которую они нам оставили. Так?

– Нет никакой гарантии, что мы там что-то найдем, – сказала Мунира.

– Да, вы известный оптимист, – усмехнулся Фарадей.

Как знали все жнецы, Отцы-основатели утверждали, будто оставили для человечества запасной план – на тот случай, если порядок, при котором жнецы должны контролировать численность населения, а Гипероблако обеспечивать его существование, не будет работать. Некое альтернативное решение проблемы бессмертия. Но никто уже серьезно не воспринимал такие разговоры. Зачем нужен запасной план, если жнецы на протяжении более двух столетий отлично справляются со своими задачами? Об альтернативном плане никто и не думал, пока существующая система не дала сбой.

Если бы Жнец Кюри и Жнец Анастасия одержали победу в Стое и Кюри стала бы Высоким Лезвием Мидмерики, вероятно, ей удалось бы увести сообщество жнецов с той опасной дороги, на которую его собирался вывести Годдард. В противном случае запасной план был бы просто необходим.

Фарадей снизился до пяти тысяч футов, и по мере приближения атолл Кваджалейн стал виден как в общем плане, так и в деталях. Главный остров представлял собой длинный узкий бумеранг, на котором Фарадей и Мунира заметили то, что не видели более нигде в «слепой зоне» – следы присутствия людей: длинные прямые полосы с низкорослой растительностью, говорящие о том, что здесь когда-то были дороги, прямоугольные пятна, где раньше стояли дома.

– Вот мы и прилетели! – сказал Фарадей и перевел самолет в режим снижения, чтобы лучше рассмотреть остров.

Мунира сразу же почувствовала облегчение, о чем сообщили ей ее наночастицы. Наконец-то все закончилось, и благополучно.

Но нет, не тут-то было!

– *Неопознанное воздушное средство. Пожалуйста, идентифицируйте себя!*

Это было автоматически созданное сообщение, которое прорвалось через заслон мощных помех, а голос был слишком человеческим, чтобы принадлежать человеку.

– Не волнуйтесь, – успокоил Фарадей Муниру и передал универсальный идентификационный код, используемый жнецами.

– *Неопознанное воздушное средство. Пожалуйста, идентифицируйте себя!*

– Похоже, у нас проблемы, – сказала Мунира.

Фарадей нахмурился, недовольно хмыкнул, после чего произнес в передатчик:

– Это Жнец Фарадей из Мидмерики, запрашивает разрешения на посадку у главного острова.

Мгновение молчания, и голос произнес:

– Кольцо жнеца опознано.

Оба – и Мунира, и Фарадей – почувствовали облегчение.

– Вот, уже лучше, – сказал Фарадей.

Но голос вновь принялся за свое:

– *Неопознанное воздушное средство. Пожалуйста, идентифицируйте себя!*

– Что? Я же сказал, что я – Жнец Майкл Фарадей!

– *Жнец не идентифицирован.*

– Конечно, они вас не признают, – покачала головой Мунира. – Вы еще даже не родились, когда тут работали Отцы-основатели. Система безопасности, вероятно, полагает, что вы – самозванец с краденым кольцом.

– Чтоб меня поджарили на этом самом месте! – воскликнул Фарадей.

Что едва и не произошло. Откуда-то из глубины острова в их левый двигатель ударил луч лазера. Двигатель взорвался с грохотом, который тряхнул и летящих в самолете людей – словно удар пришелся не по машине, а по ним самим.

Это было именно то, чего Мунира опасалась более всего, – кульминация самых плохих сценариев, которые рисовало ей ее воображение. И тем не менее, в ней вдруг проснулись отвага и ясность мысли, о наличии которых она в себе и не подозревала. У самолета имелась спасательная капсула, и Манира даже успела проверить перед вылетом, в рабочем ли она состоянии.

– Капсула в хвосте, – сказала она Фарадею. – Быстрее!

Но тот упрямо продолжал терзать бесполезное радио.

– Это Жнец Майкл Фарадей! – повторял он.

– Это же машина, – напомнила ему Мунира, – и не из самых умных. Ее не убедить.

Доказательством чему был второй удар по самолету, пришедшийся на лобовое стекло. Кабина загорелась. Лети они повыше, их бы вытянуло из пробоины в стекле наружу, но на этой высоте взрывная декомпрессия им не грозила.

– Майкл! – крикнула Мунира, впервые называя жнеца его первым именем. – Это бессмысленно!

Раненый самолет начал снижаться, и спасти его не смог бы и самый искусный пилот.

Наконец Фарадей сдался, и, карабкаясь вверх, они оставили кабину и пробрались в хвост летящего вниз самолета, где находилась спасательная капсула. Забравшись внутрь, они не сразу смогли закрыть люк – мантия жнеца попала в его защелку.

– Черт бы ее побрал, – прорычал Фарадей и, дернув что есть силы, вырвал из мантии кусок, освободив таким образом защелку. Капсула закрылась, гелевая пена заполнила оставшееся свободным внутреннее пространство, и капсула катапультировалась.

Иллюминаторов в капсуле не было, и они не видели, что происходит вокруг. Когда капсула отделилась от гибнущего самолета и отправилась в свободный полет, единственное, что почувствовали ее пассажиры, это невероятное головокружение. Мунира охнула – словно иголки пронзили ее тело. Она ждала этих ощущений, но все равно была к ним не готова.

– Эту часть операции я не люблю больше всего, – слабым голосом сказал Фарадей, который, прожив гораздо больше, чем Мунира, конечно же, был знаком с такого рода опытом. Для его же спутницы он был и нов, и ужасен.

Спасательные капсулы были специально устроены таким образом, чтобы погружать находящихся там людей в бессознательное состояние: если кто-то будет ранен во время посадки, его собственные наночастицы залечат рану. Пассажиры могут лежать без сознания сколь угодно долго, пока поврежденные органы не будут полностью восстановлены. Если же раны будут смертельными, убитых отвезут в восстановительный центр, после чего, как те пассажиры из самолета, пораженного метеоритом, они проснутся совершенно здоровыми и в приподнятом состоянии духа.

Правда, Муниру и Фарадея, если падение капсулы их убьет, уже никто не спасет.

– Если мы погибнем, – сказал Фарадей через силу, – мне будет действительно жаль, Мунира.

Она хотела что-то сказать, но сознание оставило ее.

Время словно остановилось.

Вот Мунира вместе с Фарадеем летит во вращающейся капсуле, в полной темноте, а вот она уже видит раскачиваемые ветром пальмы, которые закрывают ее от солнца. Она по-прежнему лежала в капсуле, но люк был открыт, и она была одна. Мунира села, выбираясь из пенного кокона, который обволакивал ее тело.

Возле деревьев горел небольшой костер, на котором Фарадей пек рыбу, попивая кокосовое молоко из разбитого ореха. Кусок ткани был вырван из его мантии, низ мантии испачкан, и Мунире странно было видеть великого Жнеца Фарадея в подобном одеянии.

– Ого! – весело произнес он. – Вы проснулись!

И протянул Мунире кокосовый орех.

– Это настоящее чудо, что мы выжили! – сказала она, отпив молока.

Только тогда, когда Мунира почувствовала запах приготовленной рыбы, она поняла, как голодна. Капсула предохраняла своих пассажиров от обезвоживания, но еды в ней не было никакой. По тому, как ей хотелось есть, Мунира поняла, что восстанавливались они после падения не меньше пары дней.

– Мы едва не погибли, – сказал Фарадей, передавая ей одну рыбу и одновременно переворачивая на огне другую. – Я посмотрел отчет в компьютере капсулы. Парашют у нее отказал – наверное, был поврежден обломками самолета или прямым попаданием лазера. Так что мы приводнились в свободном падении. Причем удар был такой сильный, что у нас было сотрясение третьей степени и многочисленные переломы ребер. И это несмотря на пену. У вас также было разорвано легкое – поэтому вы и восстанавливались дольше, чем я.

Капсула, приспособленная к посадке на воду и снабженная двигателем, благополучно доставила их на берег и теперь лежала, полужасыпанная песком, который был принесен при-

ливными волнами. Мунира посмотрела вокруг, и Фарадей, вероятно, заметил ее встревоженный взгляд, потому что сказал:

– Не волнуйтесь. Система безопасности, я думаю, замечает лишь крупные объекты. Капсула невелика и упала достаточно близко к берегу, поэтому нас не увидели.

Что до самолета, который Фарадей обещал вернуть, то он, развалившийся на куски, покоем на дне Тихого океана.

– Мы – путешественники, потерпевшие крушение, Мунира! – воскликнул Фарадей.

– Именно поэтому вы так счастливы?

– Я счастлив потому, что мы добрались до цели. Мы сделали то, что не удавалось никому с конца Эпохи смертных. Мы нашли Страну Нод!

С неба атолл Кваджалейн выглядел весьма небольшим островом, но когда Фарадей с Мунирой оказались на земле, они поняли, каким обманчивым было первое впечатление. Главный остров был не очень широк, но тянулся в длину, казалось, бесконечно. Повсюду виднелись следы когда-то функционировавшей инфраструктуры, и, к счастью, то, что искали жнец и его помощница, находилось на главном острове, а не на ближайших малых островах атолла. Проблема, правда, состояла в том, что они толком не знали, что им следует искать.

Фарадей и Мунира целыми днями зигзагами ходили по острову, исследуя его с рассвета и до заката и ведя учет всем своим находкам – а находок здесь было немало! Разрушенное покрытие дорог, утонувших в выросшем на их месте лесе, каменные фундаменты, на которых некогда стояли здания, горы ржавого железа и искореженной стали.

Они ели рыбу и мясо местной дичи, которой на острове было вдоволь, а также фрукты – явно не здешние, а привезенные издалека и выращиваемые когда-то на задних дворах стоявших здесь зданий.

– А что, если мы ничего не найдем? – спросила как-то Мунира, когда они только начали свое исследование.

– Не торопитесь. Будем решать проблемы по мере их поступления.

– Так проблема-то одна! Без вариантов!

В первые несколько дней они не нашли ничего интересного, если не считать приземистого вида наглухо закрытой оборонительной башни, напоминающей древние саркофаги. По острову тут и там был разбросан битый фаянс от старых раковин и унитазов, бутылки и банки, а также пластиковые контейнеры, которые пролежат на своем месте, вероятно, до того момента, когда Солнце превратится в сверхновую звезду и поглотит все внутренние планеты. Остров мог бы стать Меккой археологов, но Фарадей и Мунира не нашли ничего, что хоть отдаленно напоминало бы им цель их путешествия.

Затем, ближе к концу первой недели, на склоне холма они обнаружили покрытую песком площадку, отличающуюся строгими геометрическими формами. Естественным природным объектам такая геометрия не свойственна. Немного прокопав вглубь, Фарадей и его спутница вышли на слой бетона столь прочного, что ни одно растение не смогло пустить в нем корни. Это сооружение было явно построено с некоей целью, хотя сказать об этой цели хоть что-нибудь было трудно.

Сбоку от склона холма обнаружилась массивная дверь, поросшая мхом и скрытая от посторонних взоров густой растительностью. Это явно был вход в бункер.

Расчистив дверь, Фарадей нащупал панель. Эрозия уничтожила на ней любые надписи, но то, что оставалось, знающему человеку могло сказать все.

– Я такие видел, – сказал Фарадей, осмотрев дверь. – В старых зданиях, где когда-то жили жнецы и роль ключа играли наши кольца. То есть кольца были нужны не только для того, чтобы жнец мог одаривать людей иммунитетом и презентабельно выглядеть.

Он поднял руку и прижал камень кольца к выемке на панели. Фарадей и Мунира услышали, как сработал механизм замка, но массивную дверь они открыли вручную, и не без труда.

Принеся фонари, которые оказались среди скудного инвентаря спасательной капсулы, они направили их лучи в пахнущую плесенью темноту и увидели коридор, который шел вглубь земли под достаточно большим углом.

Фарадей и Мунира двинулись вниз по коридору.

В отличие от острова, бункер не был затронут временем – за исключением того, что на всем здесь лежал тонкий слой пыли. Одна из стен дала трещину, и корни растений, подобно щупальцам, сделали слабую попытку прорваться внутрь. Но в остальном наружный мир оставался там, где он должен был находиться по замыслу строителей, – снаружи.

Наконец коридор вывел Фарадея и Муниру в просторную комнату со множеством рабочих мест, оборудованных компьютерами со старинными мониторами. Комната напомнила Мунире секретное помещение под Библиотекой конгресса, где они нашли приведшую их сюда карту. Но то помещение было засыпано мусором и завалено всяким хламом, здешнее же оставлено в образцовом порядке. Стулья были аккуратно придвинуты к столам, словно перед уходом служащих здесь поработала бригада уборщиков. Кофейная кружка из места, которое носило имя персонажа из Германа Мелвилла, стояла возле одного из компьютеров, словно ожидая, что кто-то наполнит ее кофе. Нет, это место покидали отнюдь не в спешке. Точнее, его и не покинули, а – подготовили. И Мунира не могла избавиться от ощущения, что, кто бы ни готовил это комнату, ждали именно их – Жнеца Фарадея и ее.

Открытый ответ Его Превосходительству Высокому Лезвию Мидафрики Текаменину

Я категорически отказываюсь считаться с вашей абсолютно неэтичной и оскорбительной политикой ограничений в отношении жнецов Мидмерики. Никогда я не признаю права прочих Высоких Лезвий планеты запрещать деятельность мид-американских жнецов на их территориях.

Я уверен, что ваш собственный парламентарий сообщит вам, что закон дает жнецам право путешествовать по всему миру и осуществлять жатву там, где они считают нужным.

Поэтому никакие ограничения, кем бы они ни были наложены, не имеют никакой силы, и любой регион, который поддержит Мидафрику в ее незаконных инициативах, испытает приток жнецов из Мидмерики, что убедит в моей правоте и самых сомневающихся. Будьте уверены, что на любые ваши акции в отношении мид-американских жнецов будет моментально дан симметричный ответ.

С уважением,

Досточтимый Жнец Роберт Годдард, Высокое Лезвие Мидмерики

Глава 4

Исключительно ценные объекты

Первая неделя операции по спасению Стои была посвящена составлению предварительных карт того фрагмента дна, куда опустился остров.

– Вот все, что мы пока имеем, – сказал капитан Соберанис Жнецу Поссуэло, показывая на голографический дисплей. – Остров Стойкого Сердца лег вдоль гребня подводной горной цепи. По пути он наткнулся на горный пик и раскололся на три части.

Джерико развернул изображение и продолжил:

– Два фрагмента легли на плато к востоку от гребня, а третий опустился во впадину, находящуюся на западной части. Вокруг – усыпанное фрагментами поменьше и разным мусором поле длиной двадцать пять морских миль.

– Когда мы уже начнем что-то поднимать со дна? – нетерпеливо спросил Поссуэло.

– Нужно детально все обследовать и составить подробный каталог, – ответил капитан. – Начнем не раньше, чем через месяц. Полная же поисково-спасательная операция займет годы, если не десятилетия.

Поссуэло внимательно рассматривал контуры города, словно выискивал знакомые места. Затем стал сам вращать голограмму. Наконец, он показал на фрагмент острова, лежащий во впадине.

– Здесь карта неполная. Почему?

– Из-за глубины. К тому же поверхность дна там ненадежная. Все это достаточно опасно. Но мы этим обязательно займемся. Позже. А начнем с мелких обломков и тех фрагментов, что лежат на плато.

Но Поссуэло махнул рукой – словно отгонял москита.

– Нет! – сказал он. – Меня больше интересует фрагмент, лежащий во впадине.

Джерико бросил на жнеца быстрый взгляд. До этого момента у капитана не было причин усомниться в дружелюбии и общительности этого человека. Может быть, Поссуэло сможет довериться ему в том, чем не захочет делиться с прочими?

– Вы ищете там нечто особое? – спросил он. – Если бы я знал что, то это, безусловно, помогло бы делу.

Жнец выдержал паузу, после чего ответил:

– Жнецы Амазонии заинтересованы в спасении объектов особой ценности, а эти объекты могут находиться в руинах Музея жнеческого сообщества.

– Стойкое Сердце? – поинтересовался Джерико. – Боюсь, Сердце давно погибло и было съедено рыбами.

– Оно в защитном ящике, – покачал головой жнец. – И к тому же там есть другие вещи.

Когда Джерико понял, что из жнеца больше ничего не выудишь, он сказал:

– Понял. Я распоряжусь, чтобы прочие команды занимались спасением того, что можно спасти на плато. Моя же команда займется тем, что легло на дно впадины. Моя, и только моя.

Поссуэло немного помягчел. Он посмотрел на капитана, и в его взгляде сквозили одновременно и любопытство, и восхищение.

– Сколько вам лет, Джери? – спросил он. – Команда сообщила мне, что вы сделали полный разворот перед тем, как приняли командование. Стало быть, вы вдвое старше, чем выглядите. Но, вообще, мне кажется, это был не первый разворот. В вас есть мудрость, жизненная опытность. Вам больше лет, чем вы говорите.

Джерико выждал несколько мгновений, размышляя, какой же ответ дать.

– Я сообщил команде неверный возраст, – наконец признал он.

Полуправда в любом случае лучше, чем ложь.

Стойкое Сердце, в честь которого был назван город-остров, было самым древним из живущих на Земле сердец. Жизнь в нем поддерживалась электростимуляцией и омолаживающими наночастицами, а потому оно было вечно молодым и вечно здоровым. Оно совершило уже девять миллиардов сокращений и было символом победы человечества над смертью. Но конечно же, когда остров затонул и электричество перестало поступать к электродам, управлявшим работой сердца, оно погибло.

Как сказал Жнец Поссуэло, Стойкое Сердце помещалось в ящике из закаленного стекла, стенки которого могли выдержать довольно мощные удары – но не давление, существующее на глубинах океана. Конечно же, ящик со Стойким Сердцем лопнул, даже не добравшись до дна. Что до самого сердца или до того, что осталось от него после разрушения ящика, то, конечно же, вряд ли его можно было найти. Либо его поглотили морские хищники, которые в момент гибели Стои были по неизвестной причине страшно голодны и хватали зубами все, что оказывалось поблизости, либо уже потом это сделал какой-нибудь удачливый падальщик, просто проплывавший мимо.

В то время как прочие поисково-спасательные группы с удовольствием занимались разработкой более доступных участков дна, команда капитана Собераниса напряженно трудилась, не получая пока никаких явных результатов. Другие доставали и доставали из глубин океана разнообразные ценности; люди Джериго не поднимали ничего.

Работать во впадине было опасно. Башни затонувшего города были сильно наклонены и могли обрушиться от самого слабого прикосновения ныряльщика. Тасманийцы, которые были исключительно эффективны на меньших глубинах, были вынуждены работать в глубоководных костюмах, которые лишали их возможности пользоваться жабрами. Команда Джериго уже потеряла одну автоматическую подводную лодку – ту раздавил холодильник, выпавший из окна покачнувшийся башни. Конечно, любого, кто будет убит во время поисков, можно доставить в восстановительный центр, но для этого тело было необходимо сперва вытащить на поверхность. Такой риск был просто неоправдан.

Поссуэло, который всегда отличался выдержкой и редко срывался, теперь постоянно находился в подавленном состоянии и время от времени набрасывался на Джериго.

– Я понимаю, что это тонкая и опасная работа, – едва не кричал он в конце пятой недели глубоководных погружений, – но морские слизняки двигаются быстрее, чем вы и ваша команда.

Что его выводило из себя все больше и больше, так это то, что на месте работ появлялось все больше и больше яхт со жнецами. Представители почти всех регионов Земли явились, чтобы участвовать в работах – ведь речь шла о содержимом Подвала Реликвий Прошлого и Грядущего. Пусть он и находится на немыслимой глубине, в условиях страшного давления! Но с глаз долой совсем не значит – из сердца вон!

– Ваша честь да простит мне мою наглость, – сказал Джериго Сиднею (поскольку они уже пользовались в общении своими первыми именами), – но стальной куб, заключенный в другой стальной куб и похороненный под тысячами тонн обломков на краю опасного склона морской впадины, не может быть простой задачей. Даже если он лежал бы на поверхности земли – эту задачу сразу не решишь. Нужна тщательная инженерная проработка, колоссальные усилия и, прежде всего, терпение!

– Если мы не поспешим, – нервно ответил Поссуэло, – явится Годдард и заберет все, что мы поднимем.

Хотя Годдард никак не обозначил своего присутствия на месте поисково-спасательной операции, что было подозрительно. Он не послал ни своего представителя, ни свою поисковую команду, чтобы обеспечить себе долю в добыче, главную часть которой должны были составить бриллианты. Вместо этого он поносил и тех, кто затонул, и тех, кто пытался вытащить наверх

то, что затонуло, и сами воды, поглотившие затонувший город, заявляя, что ему не нужно ничего из того, что покоится в глубинах. Но все это было ложью. Бриллианты ему были нужны не меньше, чем другим. Если не больше.

А это означало, что у него есть план, как их заполучить.

Да, у Годдарда был особый дар: несмотря на любые препятствия, он умел получить то, что хотел, и это держало все региональные сообщества жнецов в напряжении.

Сообщество жнецов!

Когда-то это словосочетание означало всемирную организацию. Теперь же региональные интересы возобладали. Ощущение принадлежности всему человечеству у жнецов, замкнувшихся в своем частном мирке, исчезло, и теперь они следовали исключительно своим провинциальным интересам, а волновали их лишь мелкие заботы и печали, связанные исключительно с местом, где они жили и работали.

Поссуэло в своих ночных кошмарах видел Годдарда, который завладел всеми бриллиантами, когда-то принадлежавшими мировому сообществу жнецов, и теперь по собственному усмотрению выбирал новых кандидатов на жнеческое служение. Если это действительно случится, верховодить в сообществе жнецов станут сторонники нового порядка, и тогда все провалится в тартарары. Голоса же противников Годдарда утонут в воплях многих и многих миллионов людей, которых новые жнецы будут с садистским удовольствием подвергать жатве.

– Сидней, – обратилась Джерико к жнецу, – а вы можете мне сказать, что находится в этом подвале и отчего у всех жнецов по этому поводу так болит голова?

Свой вопрос Джерико задала, когда Поссуэло находился в более-менее спокойном состоянии: очередное погружение можно было считать успешным – хотя бы потому, что они не потеряли ничего из оборудования.

– Если бы только голова! Сказал бы я вам, что у них болит, если бы не солнце на небе, – отозвался Поссуэло. – Подвал Реликвий содержит исключительно ценные объекты. Но вы не имеете к ним никакого отношения – ценность они представляют исключительно для жнецов.

Джерико же усмехнулась:

– Меня всегда интересовало, где это жнецы хранят свой запас колец.

Поссуэло про себя выругался: лучше бы было помалкивать. Вслух же он сказал:

– Хорошие мозги – это не всегда хорошо для того, кто их имеет.

– Да, это всегда было моей проблемой, – отозвалась Джерико.

Поссуэло вздохнул. А что плохого в том, что капитан будет знать, чего ради они тратят здесь столько времени и усилий? В конце концов, этот приветливый малагасиец (солнце между тем скрылось за тяжелыми тучами) не похож на сквалыгу, он хорошо управляет командой и ничего, кроме уважения, к нему, Поссуэло, не выказывает. Ему, жнецу, нужно кому-то доверять, а капитан Соберанис, вне всякого сомнения, доверия заслуживает.

– Важны не столько кольца, – сказал жнец, – сколько сами камни. Их там сотни тысяч. И тот, кто будет контролировать этот запас, будет обладать в сообществе жнецов неограниченной властью.

Хотя мы, живущие под флагом «одинокой звезды», и хотели бы придерживаться нейтралитета, всем нам, жнецам Техаса, становится ясно, что Высокое Лезвие Годдард стремится распространить свою волю не только на регионы Северной Мерики, но и на весь остальной мир. В отсутствие Совета Верховных Жнецов, которые могли бы умерить его амбиции, влияние Годдарда может распространиться на весь мир, как раковая опухоль, уносившая в Эпоху смертных столь много жизней.

Как регион, входящий в Зону Хартии, в рамках своих границ мы имеем право делать все, что нам заблагорассудится. Поэтому мы разрываем все

отношения с мид-американскими жнецами. Наше решение вступает в силу с настоящего момента, ввиду чего любой жнец Мидамерики, обнаруженный в наших пределах, будет немедленно эскортирован к границе и выдворен.

Мы также выражаем сомнение в праве мистера Годдарда называться Высоким Лезвием, так как касающийся его назначения эдикт так и не был обнародован – ни до, ни после гибели Стои.

Мы не намерены привлекать на свою сторону иные регионы – прочие жнецы вольны поступать так, как считают должным. Мы же хотим, чтобы нас оставили в покое.

Официальное заявление

Ее Превосходительства Высокого Лезвия Техаса Барбары Джордан

Глава 5

В Ваших услугах больше нет необходимости

*от кого: центр служебной коммуникации Гипероблака
кому: Лориана Барчок L. Barchok@FCAI.net
дата: 1 апреля, Год Хищника, 17.15 по Гринвичу
тема: ликвидация служб Интерфейса Управления
отправлено: TPCE.th
подпись: FCAI.net
степень конфиденциальности: стандартное кодирование*

Дорогая Лориана!

С глубоким сожалением сообщаю, что в Ваших услугах, которые Вы оказывали нам в качестве агента Нимбуса, более нет необходимости. Я знаю, что Вы исполняли свои обязанности в высшей степени добросовестно, и Ваше увольнение ни в коей мере не связано с оценкой Вашей работы со стороны Интерфейса Управления. Мною было принято решение об упразднении данного органа. Поскольку мое решение вступает в силу с момента его принятия, Интерфейс Управления прекращает свое существование, а потому Вы освобождаетесь от своих обязанностей. Желаю Вам успехов во всех Ваших последующих начинаниях.

*С глубоким уважением,
Гипероблако.*

Если бы Лориане сказали, что она лишится работы меньше чем через год после окончания Академии Нимбуса, она бы не поверила, что такое возможно. Она думала как о невозможных о многих вещах, но они произошли. Значит, теперь вообще может произойти что угодно! Допустим, с небес спустится рука с пинцетом и самым беспардонным образом выщиплет ее брови! Не то чтобы ее брови нуждались в прореживании – просто теперь могут произойти самые немыслимые вещи! В этом странном мире творится то, о чем раньше и подумать было нельзя.

Сперва Лориана решила, что письмо от Гипероблака было просто шуткой. В офисах Интерфейса Управления в Фалкрум-Сити было много любителей розыгрыша. Но очень скоро стало ясно – это не розыгрыш. После того как отзвучал тот оглушительный стон, что выдали миллионы звуковых систем по всему миру, Гипероблако отправило идентичные сообщения всем агентам Нимбуса. Интерфейс Управления был упразднен, агенты стали безработными и – как прочие люди, населявшие Землю, – получили статус фриков.

– Если все мы стали фриками, – горевал один из агентов, которого Лориана знала лучше других, – то, естественно, нам нечего делать. Мы же осуществляли связь Гипероблака с человечеством, а фрикам по закону нельзя общаться с Гипероблаком.

– Какой смысл переживать? – говорил другой, которого произошлошедшее, похоже, совсем не беспокоило. – Что сделано, то сделано.

– Но как можно было увольнять всех? – возмущалась Лориана. – Без всякого предупреждения? А ведь нас – миллионы!

– У Гипероблака есть причины для всего, – отозвался тот, кого не волновала судьба уволенных. – Если мы не понимаем его логики, это наша проблема, а не Гипероблака.

Позже, когда по миру разошлась новость о гибели Стои, стало понятно, по крайней мере Лориане, что человечество было таким образом наказано – словно каждый из жителей планеты был соучастником преступления. Итак, Верховные Жнецы исчезли, Гипероблако замкнулось в себе, а Лориана осталась без работы.

Переоценка жизненных ценностей – работа не из легких. Лориана переехала к родителям и целыми днями напряженно занималась тем, что ровным счетом ничего не делала. Предложения о работе были повсюду; можно было пройти курс обучения и получить любую профессию. Но Лориане нужна была не просто работа или карьера, а дело по душе.

Ее истерзало бы самое мрачное отчаяние, если бы наночастицы, которые смягчали крайности ее эмоциональных состояний, не превратили его в меланхолию. Но и меланхолия, если она продолжается неделями, становится пыткой. Лориана не умела тратить время попусту, она не привыкла бездельничать, а будущее, омраченное неопределенностью, ее пугало. Впрочем, все в мире теперь жили с ощущением неопределенности, хотя у них была, по крайней мере, привычная работа, к которой люди были привязаны и которая позволяла им тянуть лямку житейской рутины даже в отсутствии связи с Гипероблаком, создавая некую видимость порядка.

Все, что имела Лориана в своем распоряжении, – это время, которое она пыталась заполнить размышлениями. Это было невыносимо. По совету родителей она решила слегка перенастроить работу наночастиц, чтобы избавиться от меланхолии. Но в центре, куда она явилась, была огромная очередь людей, столкнувшихся с той же проблемой, а Лориана не терпела очередей, а потому ушла.

– В очереди стоят только фрики, – сказала Лориана родителям, имея в виду то, как была организована работа в управлении по делам фриков Интерфейса Управления – с намеренной волокитой. Но как только она это произнесла, реальность открылась перед ней со всей очевидностью. Она ведь и сама теперь была фриком. Неужели теперь ее ждут длинные очереди, а бессмысленное стояние в них станет нормой ее жизни? От этих мыслей слезы выступили у нее на глазах, отчего родители вновь взялись убеждать ее все-таки пойти и поднастроить свои разболтавшиеся наночастицы.

– Мы понимаем, что твоя жизнь изменилась, но это ведь не конец света, не так ли, милая? – сказали они.

И тем не менее Лориане по какой-то странной причине казалось, что конец света наступил.

И вдруг, спустя месяц после того, как все люди Земли были объявлены фриками, на пороге ее дома появилась ее бывшая начальница. Поначалу Лориана решила, что это был просто визит вежливости. Понятно, ни о каком приеме назад, на работу, речи быть не могло, поскольку директор Хиллиард, как и прочие служащие Интерфейса Управления, также лишилась своего места. Да и сами их рабочие места теперь должны были подвергнуться переоборудованию. Говорили, что во всех офисах Интерфейса по всему миру появились строительные бригады, которые должны были переделать их в жилые помещения и восстановительные центры.

– Мы только что получили заказ, – сообщил в интервью прораб одной из строительных компаний. – Мы рады исполнить любое распоряжение Гипероблака.

Заказы на ту или иную работу или поставки материалов остались единственным поводом для общения с Гипероблаком. И тому, кто получал такой заказ, завидовали.

До этого директор Хиллиард была начальником офиса, расположенного в Фалкрум-Сити, а Лориана – единственным младшим агентом, которому было предложено работать непосредственно с директором. Если бы сейчас Лориана стала рассылать свои резюме, этот факт был бы ей зачтен в плюс. Но она ничего не рассылала.

Лориана стала помощником директора благодаря своим скорее личным, чем деловым качествам. Она вся была как шампанское с пузырьками. Кто-то называл ее хохотушкой, а кто-то терпеть не мог из-за вечной жизнерадостности и шипел по углам – вот достала!

– У вас всегда хорошее настроение, – сказала ей директор Хиллиард, когда предложила должность своего личного помощника. – И вы – оптимист: полупустой стакан считаете наполовину полным. У нас здесь такое в редкость.

И это было действительно так – агенты Нимбуса не были личностями яркими и не отличались живостью характера. Лориана же делала все, чтобы вокруг нее царили бодрость и приподнятое настроение, что чаще всего раздражало прочих агентов. Впрочем, это была их проблема. Лориана даже подозревала, что директор развлекалась, наблюдая, как прочие подчиненные, регулярно сталкиваясь с ее вечно жизнерадостной помощницей, бледнели и отводили глаза, побелевшие от ярости. Хотя за эти беспросветные недели, которые Лориана провела без дела, большинство пузырьков в ее шампанском лопнуло, и она стала такой же серой и унылой, каким было большинство агентов Нимбуса.

– Я хочу предложить вам работу, – сказала директор Хиллиард, после чего поправила: – Скорее миссию, а не работу.

Лориану охватило волнение – это было первое радостное событие с тех пор, как закрылся Интерфейс Управления.

– Но хочу вас предупредить, – продолжила директор Хиллиард, – что эта миссия предполагает путешествие.

И хотя Лориана предпочитала работать на одном месте, а не мотаться по свету, она поняла, что ей выпал единственный счастливый билет из всех, что ее могли ожидать в ближайшем будущем.

– Спасибо огромное! – радостно выпалила Лориана, удерживая в руке ладонь директора Хиллиард гораздо дольше, чем это делали бы прочие агенты Нимбуса.

И вот, теперь, две недели спустя после этой встречи с директором, Лориана оказалась в самом центре океана на бывшем рыболовецком судне, которое уже давно не ловило тунца, но сохранило густой запах этой рыбы на всех своих поверхностях и внутренностях.

– Выбора у нас особого не было, – объясняла всем директор Хиллиард. – Пришлось взять то, что смогли.

Как выяснилось, Лориана не была единственным агентом Нимбуса, избранным для этой миссии. Их здесь оказались сотни, и плыли они на таких же кораблях, на каком оказалась Лориана. Диковатая с виду разношерстная флотилия, направляющаяся в южные воды Тихого океана.

– 8.167, 167.733, – продиктовала им всем директор Хиллиард во время первой встречи. – Эти цифры нами получены из надежного источника. Я думаю, это – координаты.

Она достала карту и показала на точку где-то между Гавайскими островами и Австралией. Карта показывала, что здесь было море и ничего, кроме моря.

– Но почему вы думаете, что это именно координаты? – спросила Лориана после того, как остальные агенты Нимбуса разошлись. – То есть я хотела сказать, что эти цифры могут означать все, что угодно. Откуда такая уверенность?

Директор наклонилась к Лориане поближе:

– Потому что как только я вслух предположила, что это координаты, я начала получать рекламные объявления судовых компаний.

– Гипероблако?

Хиллиард кивнула и сказала:

– Закон запрещает Гипероблаку напрямую говорить с фриками, но закон не запрещает пользоваться *намеками*.

На четвертый день пути, когда флотилия находилась на расстоянии еще нескольких сотен миль от цели, все вдруг пошло наперекосяк. Сначала автонавигатор потерял связь с Гипероблаком. Правда, он мог прокладывать курс и вести корабли и самостоятельно, но решать сложные проблемы был не в состоянии. В конце концов, автонавигатор был всего лишь железкой

без мозгов. Потом они потеряли радиосвязь с остальным миром. Такого никто не припомнил. Технологии на то и технологии, чтобы функционировать. Всегда. Даже при молчащем как рыба Гипероблаке. В отсутствии толковых ответов фантазия новоиспеченных моряков разыгралась.

– А вдруг радио смолкло по всему миру?

– А вдруг Гипероблако умерло?

– А вдруг мы единственные, кто на Земле остался в живых?

Люди смотрели на Лориану, словно она могла своей улыбкой осветить наступивший в их душах мрак.

– Нужно возвращаться, – шумел один из бывших агентов, по имени Сикора, туповатый и вечно со всем несогласный тип. – Уедем домой и забудем об этой чепухе.

И именно Лориана, посмотрев на мерцающий экран монитора, нашла объяснение отсутствию связи.

– Экран говорит, что мы находимся в тридцати морских милях от ближайшего буя, – произнесла она. – Но они ведь стоят друг от друга на расстоянии в двадцать миль, верно?

Директор Хиллиард несколько раз переключила режим поиска. Сети не было, что означало – Гипероблако в этих водах отсутствует.

– Интересно, – проговорила Хиллиард. – У вас острый взгляд, агент Барчок, и цепкий ум. Похвала едва не заставила Лориану расцвести улыбкой, но она сдержалась.

Директор Хиллиард вглядывалась в пустынные воды, простиравшиеся до горизонта.

– Вы знаете, что человеческий глаз устроен таким образом, что непосредственно рядом с фокусом есть пространство, где он не видит почти ничего?

– Слепая зона, – кивнула Лориана.

– Наш мозг говорит нам, что там нет ничего достойного нашего внимания.

– Но если у Гипероблака существует слепая зона, откуда оно знает, что она существует?

Директор Хиллиард задумчиво наморщила лоб:

– Может быть, кто-то ему об этом сказал?

В этом явно нет необходимости, но я продолжаю вести свой журнал. Трудно отказаться от ежедневной привычки, укоренившейся в нашей сущности. Мунира уверяет меня, чт, при любых обстоятельствах она сможет передать мой журнал в архивы Александрийской библиотеки. Это будет по-настоящему новый жанр! Жнец, который составляет свои ежедневные заметки после собственной смерти.

Уже шесть недель мы пребываем на атолле Кваджалейн, не имея никакой связи с окружающим миром. Меня страшно терзает отсутствие новостей от Мари. Как там прошло заседание Совета Верховных Жнецов? Либо нам все удалось и она возглавила жнеческое сообщество Мидмерики, либо... Тогда наша задача становится еще более трудной! Но тем больше у нас причин разгадать секрет этого атолла и приобщиться к мудрости Отцов-основателей.

Предусмотрительность, с которой они предвидели возможность неблагоприятного развития событий, их план по спасению Земли – это наша единственная надежда и опора.

Мы с Мунирой оборудовали себе жилище в найденном бункере. Мы также соорудили небольшое каноэ. Оно достаточно невелико, чтобы обмануть систему безопасности острова. Далеко на нем не уплыть, но ближайшие к атоллу острова мы посетили. Там мы нашли то, что обнаружили и на нашем атолле – следы пребывания людей. Бетонные плиты, фрагменты фундаментов. Ничего особо примечательного.

Тем не менее мы поняли изначальную цель, с которой были созданы эти сооружения ближе к концу Эпохи смертных. Весь атолл Кваждеалейн был

военной базой. Создана она была не для ведения войны, а для апробирования новых технологий. Ближайшие атоллы стали полем ядерных испытаний, на нашем атолле обкатывали ракетную технику, а также запускали спутники-шпионы, многие из которых, не исключено, входят в наблюдательную систему Гипероблака.

Нам стало понятно, почему Отцы-основатели выбрали именно это место – оно изначально находилось под защитой нескольких слоев системы безопасности. Уже тогда скрытый от посторонних глаз, Кваждейн легко мог быть стерт и из человеческой памяти, и с карты мира.

Если нам удастся проникнуть в святые святых этого бункера, мы поймем, каким образом Отцы-основатели изменили предназначение этой базы. К сожалению, пока мы смогли освоить лишь самый верхний уровень. Глубинные помещения бункера находятся за дверью с двойным замком, открыть который могут только два жнеца, одновременно приложив к нему с двух сторон двери свои кольца.

Что касается системы обороны атолла, мы пока не знаем, как ее нейтрализовать. Но, поскольку мы в самом буквальном смысле ходим под ее радарам, для нас это вопрос, пока далекий от практической реализации. Главное: что бы здесь ни нашли, покинуть остров мы вряд ли сможем.

Из «посмертного журнала» Жнеца Майкла Фарадея.

14 мая, Год Хищника

Глава 6

Гибель «Красотки Ланикай»

Несмотря на положение невольной пленницы острова, Мунира совсем не чувствовала себя заключенной. Как человек, влюбленный в архивную работу, она нашла в бункере безграничные возможности для удовлетворения своего воображения. Горы информации, которые здесь хранились, можно было сортировать, раскладывать по полочкам, анализировать.

В одном из шкафов, к радостному удивлению Муниры, они нашли мантию, которая когда-то принадлежала Жнецу Да Винчи, одному из двенадцати Отцов-основателей. Мунира видела изображения мантий этого великого жнеца – все они слегка отличались одна от другой, но все неизменно были украшены рисунками Леонардо. На этой красовался «Витрувианский человек». Когда Жнец Да Винчи разводил руки в стороны, изображенный на мантии человек делал то же самое. Конечно, эта мантия по своему состоянию значительно уступала тем одежаниям великих жнецов, что хранились в Музее в Стое, но и она, будучи бесценной, составила бы гордость и славу любой коллекции.

Утром Фарадей и Мунира занимались тем, что ловили рыбу и заготавливали еду. Они даже вскопали небольшой участок и посадили кое-какие растения, устроив некоторое подобие огорода на тот случай, если им придется осесть на острове надолго. Если это случится, им удастся дожидаться урожая.

Иногда они садились в каноэ и плыли к другим островам. Но большую часть времени Фарадей и Мунра занимались изучением материалов, найденных в бункере.

Фарадея меньше, чем Муниру, интересовали следы, оставленные в бункере людьми Эпохи смертных. Более всего ему хотелось оказаться по ту сторону стальной двери, запертой Отцами-основателями.

– Если бы жнецы Израэбии в свое время не отказались принять меня в свое сообщество, – саркастически заметила Мунира, – у меня было бы второе кольцо, и мы без труда проникли бы внутрь.

– Если бы вы стали жнецом, – отозвался Фарадей, – вас бы здесь не было, потому что я не встретил бы вас в Александрийской библиотеке. Вы бы, как и все мы, занимались жатвой, а по ночам вас мучили бы кошмары. Нет, Мунира, ваше предназначение состоит не в том, чтобы стать жнецом. Вы явились в этот мир, чтобы спасти жнеческое сообщество. На пару со мной.

– Без второго кольца мы далеко не уедем, ваша честь! – произнесла Мунира.

– Мы так давно вместе, и столько всего прошли, а я все еще «ваша честь». Лишь единственный раз вы называли меня Майклом, и то потому, что мы были на грани гибели.

Ага, подумала Мунира. Он помнит!

Она была одновременно смущена и обрадована. Вслух же произнесла:

– Фамильярность... непродуктивна.

И, иронически улыбнувшись, добавила:

– Вы хотите сказать, что питаете ко мне симпатию?

– А может быть, наоборот – это вы питаете симпатию ко мне?

Мунира промолчала. Фарадей же вздохнул и произнес:

– Вот вы и загнали меня в ловушку. Если я скажу, что не испытываю к вам ничего, что выходило бы за границы деловых отношений, вы будете оскорблены. А если скажу, что это не так, нам обоим будет неловко.

Мунира знала Фарадея достаточно хорошо, чтобы понимать, что он просто играет. Играла и она.

– Говорите что хотите, – произнесла она. – Это не имеет никакого значения. Люди вашего статуса и возраста меня не привлекают как мужчины. Даже если они, сделав разворот, устанавливают возраст, соизмеримый с моим, я все равно это вижу.

– Ну что ж, – отозвался Фарадей, по-прежнему улыбаясь, – пусть нас связывает лишь благородное желание найти разгадку тайны, от которой зависит судьба человечества.

Мунира решила, что может ограничиться и этим – если, конечно, на этом остановится и Фарадей.

Но как-то утром, ближе к концу шестой недели их пребывания на острове, дела приняли совершенно неожиданный оборот.

Мунира искала спелые фрукты на заросшем сорняками клочке земли, который когда-то был задним двориком некоего строения, когда раздался сигнал тревоги. Сработала – впервые с момента, когда они с Фарадеем прибыли на атолл, – система безопасности. Бросив то, что она успела собрать, Мунира поспешила к бункеру. Там, на холмике, возвышавшемся над их убежищем, стоял Фарадей и через проржавевший бинокль всматривался в линию горизонта.

– Что там? – спросила Мунира. – Что происходит?

Вместо ответа жнец протянул ей бинокль. Мунира настроила оптику, и ей сразу стало понятно, что привело систему безопасности в активное состояние. На горизонте виднелись корабли – около десятка.

– *Неопознанное судно! Пожалуйста, идентифицируйте себя!*

Это было первое сообщение, которое флотилия агентов Нимбуса получила с того момента, как пересекла границу, за которой Гипероблако уже не имело никакой власти. Было раннее утро, и директор Хиллиард на пару с Лорианой пили чай. Директор едва не поперхнулась, когда палубный динамик исторг из себя присланное сообщение, искаженное шумом помех.

– Позвать кого-нибудь из прочих агентов? – спросила Лориана.

– Да. Пусть придут Цянь и Солано, – отозвалась директор. – Сикору не трогайте, обойдемся без его ворчания.

– *Неопознанное судно! Пожалуйста, идентифицируйте себя!*

Директор склонилась к микрофону, установленному на консоли коммуникатора.

– Это рыболовецкое судно «Красотка Ланикай», приписанное к порту Гонолулу, регистрационный номер WDJ98584, частный чартер.

Последнее, что услышала Лориана перед тем, как дверь закрылась за ее спиной, были слова из динамика:

– *Авторизация не принята. Доступ закрыт.*

Несмотря на то что на их пути встало некое пока непонятное препятствие, Лориана поняла – дело с мертвой точки сдвинулось.

Мунира и Фарадей пытались хоть что-то предпринять, чтобы нейтрализовать систему защиты. За все недели, что они пробыли на острове, им так и не удалось добраться до ее пульта управления, который, вероятнее всего, находился за стальной дверью бункера. И все это время молчаливая титановая башня неподвижно торчала, окруженная кустарником, на самой высокой точке острова, словно шахматная фигура, забытая в углу брошенной игроками доски. Но сегодня массивная плита в центре башни сдвинулась вниз, и из образовавшейся бойницы выдвинулся массивный ствол. Пока эта коренастая, всего какие-то четыре метра в высоту, башня не подавала признаков жизни, можно было легко забыть о ее смертоносной начинке. Теперь же она очнулась ото сна; с гулом и стоном заработали механизмы, управляющие наведением.

Мунира и Фарадей не успели добраться до башни, как был произведен первый залп, и белый лазерный луч ударил в один из кораблей на горизонте. Над морем поднялся столб черного дыма.

Началась перезарядка орудия.

– Может быть, нам удастся обрубить источник энергии? – предположила Мунира, когда они, наконец, добрались до холма с возвышающейся на нем башней.

Фарадей покачал головой:

– Мы даже не знаем, какой вид энергии здесь используется. Может быть, геотермальная, а может, и ядерная. Эта башня стоит здесь не одну сотню лет, и все еще работает. А это значит, что заткнуть это орудие – непростая задача.

– Можно поступить по-другому, – сказала Мунира.

После первого залпа прошло секунд двадцать, и башня, слегка повернувшись, теперь направила орудие на несколько градусов в сторону от первой пораженной цели. Новый залп, и через несколько секунд – грохот со стороны моря.

На задней стене башни находилась лестница, по которой персонал мог подниматься на верх башни. Сама Мунира в течение последних недель не раз забиралась туда, чтобы получше рассмотреть острова, формирующие атолл. Может быть, теперь, когда бронированная физиономия башни открыта и она играет в прятки с приближающимся флотом, ее можно и разоружить?

Третий залп и третье прямое попадание. Еще двадцать секунд на перезарядку.

– Нужно вставить клин в горло башни! – воскликнул Фарадей.

Мунира полезла вверх, а Фарадей принялся копать вокруг, и, наконец, отыскав заостренный камень, бросил его Мунире.

– Вставьте в зазор поворотного механизма. Должно заклинить. Даже если мы получим только десятую долю градуса, на таком расстоянии это обязательно будет промах.

Но когда Мунира добралась до поворотного механизма, она увидела зазор не толще волоска – не то что камень, песчинка – и та не смогла бы проникнуть внутрь! Орудие произвело выстрел, и Мунира ощутила мощный удар статического электричества. Она полезла выше, на самый верх, надеясь, что ее вес разбалансирует орудие, но и здесь ничего не вышло. Залп следовал за залпом, взрыв за взрывом. Фарадей что-то предлагал, но ни одним из его советов воспользоваться было нельзя.

Наконец Мунира забралась на сам ствол и принялась ползти к жерлу, думая, что таким образом хоть на несколько миллиметров сойдет наведение по вертикали.

И вот жерло оказалось прямо перед ней. Мунира протянула руку и почувствовала пальцами, насколько гладкой была полированная внутренность ствола – такой же гладкой, как в день выпуска. Это обстоятельство не на шутку разозлило ее. С какой это стати человечество потратило столько сил на борьбу с коррозией, если плодами этой борьбы стали орудия убийства и разрушения? То, что пушка работала, граничило с непристойностью!

– Мунира! Осторожно!

Она отдернула руку как раз вовремя. Залп отозвался, казалось, в ее костном мозге и корнях зубов. Ствол, к которому она прикинула, явно нагревался с каждым выстрелом. И тут ей в голову пришла идея. Эту примитивную военную технологию можно победить еще более примитивными средствами!

– Орех! – крикнула она. – Бросьте мне кокосовый орех! Нет, бросьте целую связку.

Уж чего-чего, а орехов на острове было в изобилии. Первый кокос, который Фарадей бросил Мунире, был великоват.

– Поменьше! – крикнула она. – Быстрее!

Фарадей бросил три ореха поменьше – бросил точно, и Мунира поймала все три в тот самый момент, когда пушка выстрелила в очередной раз. А на горизонте стоял уже с десятков

столбов дыма. Сосредоточившись, Мунира принялась считать. У нее было двадцать секунд. Она подползла к самому жерлу пушки и сунула туда первый орех. Тот легко скользнул внутрь. Второй орех был крупнее и вошел не без труда. Это хорошо, так и должно быть. Наконец, когда гул перезарядки достиг уровня максимальной громкости, Мунира с силой засунула в пасть орудий последний орех, который полностью закрыл отверстие. И в самую последнюю секунду она прыгнула вниз.

Выстрел и взрыв совпали по времени. Огонь опалил кончики волос Муниры. Осколки металла с визгом вонзились в стволы палм, окружавших холм. Мунира упала на землю, и тут же, прикрывая ее своим телом, на нее упал Фарадей. Раздался еще один взрыв, который, как она решила, сожжет и ее, и жнеца, но тут же все стихло, и только шипение умирающего металла и едкий запах сожженных изоляционных материалов напоминали о прогремевших за секунду до этого взрывах. Когда Мунира и Фарадей взглянули вверх, башни на ее месте не оказалось – от нее осталась лишь груда раскаленного искореженного металла.

– Хорошая работа, – проговорил Фарадей, поднимаясь.

Но Мунира понимала – они действовали слишком медленно, и единственное, что они найдут на берегу – это мертвые тела так и не доплывших до острова людей.

Лориана сбегала вниз по трапу, когда первый залп ударил в борт корабля, пробил в нем большую рваную дыру и бросил Лориану на палубу.

– *Прошу внимания!* – вырвался из динамиков корабля бесстрастный механический голос. – *Вам предлагается пройти к ближайшей спасательной капсуле и, в целях личной безопасности, немедленно покинуть судно. Благодарю вас.*

Вот что значит машина: люди гибнут, а у нее никаких эмоций!

Корабль принялся крениться на правый борт, и Лориана бросилась на мостик, чтобы оттуда более полно оценить ситуацию.

Директор Хиллиард стояла возле навигационного пульта. Осколками разбило иллюминатор, и на лбу у директора красовалась глубокая царапина. Глаза ее смотрели отрешенно, словно она грезила наяву.

– Директор Хиллиард! – воскликнула Лориана. – Нужно уходить.

Неподалеку раздался второй взрыв – ближайший корабль, получив удар в самый центр корпуса, раскололся надвое, как древесный сучок, и еда не сложился пополам.

Директор Хиллиард, оцепенев, смотрела на происходящее и, похоже, не верила своим глазам.

– Неужели все это спланировано Гипероблаком? – произнесла она наконец. – Мы в этом мире никому не нужны, но оно не могло нас убить, а потому послало сюда, где нас убьют другие силы.

– Гипероблако на такое не способно! – воскликнула Лориана.

– Откуда вам знать?

Лориане действительно знать было неоткуда, но она понимала: Гипероблако не контролирует эти воды и так же, как и они, не представляет, что здесь находится и что может произойти.

Очередной удар, и еще один корабль, получив пробоину, накренился и готов был погрузиться в пучину. Их собственное судно быстро погружалось – еще несколько минут, и воды поглотят его.

– Идемте со мной, – торопила директора Лориана. – Нужно добраться до спасательных капсул, пока не поздно.

Когда Лориана, ведя директора под руку, добралась до капсул, по палубе уже гуляла вода. Несколько капсул уже катапультировались, остальные были повреждены взрывом. Агент Цянь

лежал, обожженный огнем, мертвый. То есть мертвый окончательно и бесповоротно – восстановить его было некому и негде.

На палубе оставалась лишь одна спасательная капсула, в которую набилось с дюжину агентов, но люк которой не закрывался из-за поврежденной петли. Единственным способом закрыть люк было захлопнуть его снаружи.

– Дайте место директору! – крикнула Лориана.

– Здесь нет места! – раздалось из глубины скученных тел.

– Вот это плохо! – произнесла Лориана и с силой протолкнула директора внутрь.

– Лориана! Теперь – вы! – проговорила Хиллиард.

Но, увы, для Лорианы места уже не было. Морская вода поднялась ей по щиколотку. Еще немного, и она хлынет внутрь капсулы, а потому Лориана ухватила за крышку люка и, собрав силы, захлопнула ее, при этом поврежденная петля встала на свое законное место. Затем, уже по колено в воде, Лориана добралась до механизма ручного спуска и нажала нужную кнопку. Капсула сорвалась в море, а Лориана бросилась в воду вслед за ней.

Непросто удержаться на поверхности в непосредственной близости от тонущего корабля, но Лориана, набрав в легкие столько воздуха, сколько смогла, энергично взмахивая руками, быстро поплыла прочь от гибнущего судна. Тем временем двигатель спасательной капсулы заработал, и она направилась в сторону берега, быстро удаляясь.

Выстрелы тем временем прекратились, но повсюду вокруг себя Лориана видела горящие корабли. Одни из них еще держались на плаву, другие уже уходили под воду. Отовсюду доносились крики о помощи – это барахтались в воде спасающиеся от смерти агенты. Другие плавали неподвижно, наполовину погрузившись в воду. Мертвые. Так много мертвых!

Лориана была отличным пловцом, но берег был так далеко! А вдруг в этих водах обитают акулы и она разделит судьбу Верховных Жнецов?

Нет, об этом нельзя думать! Она спасла директора Хиллиард и теперь все силы должна отдать спасению себя. Когда-то она входила в команду агентов Нимбуса по плаванию на длинные дистанции, но теперь, уже больше года, она специально не тренировалась и потеряла форму. Главное в плавании на большие дистанции – это сдерживать себя, чтобы хватило энергии закончить гонку. И она, не торопясь и размеренно взмахивая руками, поплыла к берегу, решив не останавливаться – пока не доберется до берега или не утонет.

Открытое письмо Ее Превосходительству Высокому Лезвию Техаса Барбаре Джордан

Вы просите, чтобы Вас оставили в покое. Считайте, что Ваша просьба удовлетворена. Я провел совещание с Высокими Лезвиями Восточной и Западной Мерик, а также Крайнего Севера и Мекситеки. С этого дня ни одно из мериканских жнецеских сообществ не будет иметь дел с Вашим регионом. Более того, все экспортируемые и импортируемые в Техас и из Техаса товары будут конфисковаться на границе жнецами прилегающих к Техасу областей. Вы более не станете пользоваться добрым расположением к Вам Ваших соседей и перестанете быть естественной частью Северо-Мериканского континента. Вы будете сохранять статус отверженных, пока не осознаете собственных ошибок.

Должен также сообщить, что мое самое искреннее желание – это узнать, о том, что Вы самое себя подвергли жатве и освободили пост Высокого Лезвия для более разумного и достойного лидера.

С уважением,

Досточтимый Жнец Роберт Годдард, Высокое Лезвие Мидмерики

Глава 7

Танцы на глубине

Поисково-спасательная операция – нудный, медленный процесс. Три долгих месяца команда капитана Собераниса разгребала усеявшие дно обломки, прежде чем добралась до цели, Подвала Реликвий Прошлого и Грядущего.

Поссуэло смирился с темпами работы. Он понял, что медлительность, с которой шла операция, имеет свои плюсы – почти треть из собравшихся здесь жнецов, не обладавших достаточным терпением, уже покинули место действия, поклявшись вернуться, как только Подвал будет найден.

Те же, кто остался, наблюдали за «Спенсом» с почтительного расстояния. Тарсила, Высокое Лезвие Амазонии, была внушительного вида дама, и никто не хотел спровоцировать ее гнев, подвергнув сомнению первенство Поссуэло в проведении спасательных работ на избранном им участке. Что касается Годдарда, то он наконец прислал свою делегацию, возглавляемую Ницше, своим первым помощником, который начал с того, что подверг жатве несколько спасательных команд, которые не озаботились пригласить с собой какого-нибудь жнеца, чтобы тот их защищал.

– Это не столько наше право, сколько обязанность – уничтожить тех из простых людей, кто, повинувшись своей алчности, рискнул пересечь «периметр благоговейного почитания», – заявил Ницше. Некоторые из присутствовавших жнецов пришли в бешенство, некоторые молчаливо поддержали Ницше, остальные сохраняли нейтралитет.

Пока Поссуэло разбирался в сложных отношениях, воцарившихся в жнеческом сообществе, Джерико, не отвлекаясь ни на минуту, обследовал дно океана и обломки Стои. В его распоряжении был дистанционно управляемый батискаф, за всеми манипуляциями которого он наблюдал через электронный визор, соединенный с консолью управления. В его виртуальных странствиях Джерико сопровождали два инженера – один из них заносил в каталог каждую новую находку, другой помогал батискафу преодолеть сложности пути через обломки Стои. Управляя батискафом, Джерико ритмично двигал головой и руками, и его движения напоминали некий экзотический танец.

Поссуэло присоединился к этому виртуальному путешествию, когда перед батискафом открывалось нечто ему интересное – например, руины Оперы, где угри своими гибкими телами обвивали канделябры на внутренних стенах затонувшего храма искусства, а декорации к «Аиде» лежали за кулисами как некие пережившие апокалипсис обломки Древнего Египта, поглощенного вышедшим из берегов Нилом.

Когда они, наконец, достигли внешнего куба Подвала Реликвий, Поссуэло едва не впал в неистовство. Джерико же был более спокоен. Это было лишь начало битвы.

Они прорезали стену внешнего куба лазером, но разрез, в силу разницы давления, спровоцировал разлом металла, и батискаф, увлеченный потоком воды, ворвавшимся в пространство внутреннего куба, был расплюсчен о его пол.

– Ну что ж, – произнес Джерико, снимая визор. – По крайней мере, мы знаем, что внешний куб выдержал давление воды.

Это был уже пятый потерянный батискаф.

Поначалу каждая такая авария задерживала работы на неделю – спасателям нужно было дожидаться нового оборудования. Но после утраты второго батискафа они решили заказывать сразу по два, чтобы под рукой всегда был запасной.

Вывавшийся из внешнего куба воздух поднялся на поверхность мощными пузырями, из чего всем в округе стало ясно, что команда Поссуэло пробилась к внутреннему кубу. К

моменту, когда Джерико спустил на воду запасной батискаф, все жнецы, которые покинули до этого зону спасательной операции, уже спешили вернуться к месту действия.

На следующее утро новый батискаф исследовал темные внутренности внешнего куба. Если снаружи он был покрыт слизистыми осадками, выросшими на его поверхности за время нахождения под водой, то внутренний куб был так же чист, как и в день своего погружения в воды океана.

– Лучше всего пробить отверстие в стенке внутреннего куба и, используя вакуумный насос, извлечь бриллианты, – предложил Джерико.

Это был самый надежный и эффективный план, но Поссуэло был иного мнения.

– Там, внутри, находятся мантии Отцов-основателей, – сказал он, – и, поскольку стены внутреннего куба не повреждены, Высокое Лезвие Амазонии, которой я подчиняюсь, желает, чтобы мы их достали в целости и сохранности. А это значит, что внутренний куб нам предстоит извлечь целиком.

На что Джерико нахмурил лоб и сказал:

– Тогда нам нужен корабль побольше.

Деньги – не проблема, когда речь идет о жнецах, и это именно так, потому что жнецы никогда и ни за что не платят и могут получить все, что только пожелают. Джерико объяснил Поссуэло, какое судно им необходимо, Поссуэло такое судно нашел и затребовал для нужд сообщества жнецов Амазонии. Через четыре дня корабль, оборудованный краном, способным поднять стальной куб со дна океана и разместить его на палубе «Спенса», прибыл к месту спасательной операции. Его команда поступила в распоряжение капитана Собераниса. Тем не менее потребовалась еще неделя, чтобы в стене внешнего куба пробить отверстие, достаточное для извлечения куба внутреннего, который нужно было еще охватить стропилами, достаточно мощными, чтобы выдержать его массу.

– На подъем нам потребуется не меньше двадцати четырех часов с момента, когда мы запустим лебедки, – сообщил Джерико Жнецу Поссуэло и прочим жнецам, которые представляли несколько дюжин регионов Земли. Собравшись на брифинге в своих нарядах, они представляли собой радужную картинку, где присутствовали все самые замысловатые оттенки всех цветов спектра.

– У нас есть данные по поводу того, сколько камней находится в хранилище, – сказал Поссуэло, – и мы будем вести строгий учет с тем, чтобы каждому региону Земли досталось поровну.

– Все будет происходить под *нашим* присмотром, – заявил Жнец Онассис из Византии.

И, хотя Поссуэло претило недоверие, которое воцарилось между жнецами, он согласился.

Поссуэло проснулся от стука в дверь каюты около двух часов ночи. Он протянул руку к лампе на ночном столике, но та не работала.

– Что такое? Что за шумиха? – воскликнул он, в темноте пробираясь к двери. Открыв ее, он увидел капитана Собераниса, стоящего перед ним с фонариком в руке.

– Надевайте мантию и выходите на палубу, – ответил Джерико.

– Зачем? И почему нет света?

– Я сделал это специально, – сказал Джерико, протягивая жнецу фонарь.

Когда Поссуэло спустя пару минут поднялся на палубу, он понял, что произошло.

Перед ним, на открытой палубе, стоял стальной куб размером в три человеческих роста. С него стекала вода.

Капитан ехидно усмехнулся:

– Похоже, я ошибся в подсчетах.

– И не в первый раз, – саркастически заметил стоящий рядом Уортон.

Понятно, никакой ошибки в расчетах капитана не было. Все было тщательно спланировано – и не только подъем куба, но и то, что этому подъему предшествовало. Джерико организовал финальную часть операции таким образом, чтобы куб появился на поверхности океана в безлунную ночь, когда на всех прочих кораблях и команды, и жнецы, ни о чем не подозревая, спокойно спали. Свет на «Спенсе» был намеренно выключен, и работы велись в полной темноте.

– К черту всех остальных жнецов, – сказал Джерико. – Как жнец, возглавляющий операцию по спасению, вы и только вы имеете право первым увидеть содержимое нашего трофея, пока эти стервятники не слетелись на свеженькое.

– Вы не перестаете меня удивлять, капитан Соберанис, – произнес Поссуэло, одарив Джерико самой широкой из своих улыбок.

Инженер с лазером уже перерезал стальные балки, которыми был запечатан внутренний куб. Включили лебедку, и она дернула массивную дверь. Та упала с таким грохотом, что, казалось, едва не пробил палубу, а корабль отозвался мощным гулом. Если на ближайших кораблях кто-то и подозревал, что на «Спенсе» что-то происходит, то теперь их подозрения подтвердились.

Клубы холодного тумана вырвались из внутренностей куба. Открывшийся вход словно приглашал в иной мир, но воспользоваться этим приглашением желающих не было.

– Войти внутрь имеет право исключительно Досточтимый Жнец Поссуэло, – предупредил Джерико команду.

И, обратившись к жнецу, добавил:

– Прошу вас, ваша честь!

Но Поссуэло оставался недвижим.

– Я прошу его честь меня извинить, конечно, – влез со своей репликой Уортон, – но какого черта мы ждем, в конце концов?

Команда захихикала, а инженер, который составлял каталог и теперь вел съемку в неясном свете штормовых фонарей, направил на жнеца камеру, жалея запечатлеть великий момент для последующих поколений.

Джерико тронул Поссуэло за плечо:

– Давайте, Сидней! Вкусите момент истины! Вы же этого так долго ждали.

Наконец решившись, Поссуэло поднял фонарь и ступил внутрь Подвала Реликвий Прошлого и Будущего.

Джерико Соберанис был человеком достаточно хитрым и жестким. В другом, обычном человеке эти черты характера запросто развились бы во что-нибудь опасное, но капитан был не из тех людей, кто свои таланты ставил на службу корысти. По самому большому счету, интересы Джерико были полностью сосредоточены на том, что он считал главным делом своей жизни. Его целью и задачей было – спасти.

Например, спасти Стою. Делая это, он сможет сослужить добрую службу человечеству, а заодно, и укрепить свою репутацию.

И ему хорошо, и человечеству!

Конечно, был соблазн не будить Поссуэло до того, как вскроют малый куб, и первым войти в сокровищницу сообщества жнецов. Но для чего это ему? Он что, собирался украсть бриллианты? Или удрать с кобальтовой мантией Жнеца Елизаветы?

Нет, это мгновение истины должно принадлежать Поссуэло. Команде «Спенса» уже заплатили втрое больше, чем платили обычно, а впереди их еще ждали бонусы, которые Поссуэло обещал им в случае удачного исхода всей операции. Нет, пусть эта конфетка принадлежит Поссуэло. Он ее заслужил.

– Бриллианты здесь! – раздался изнутри куба голос жнеца. – Разбросаны повсюду, но они здесь.

Джерико видел камни, сверкавшие под лучом фонаря, с которым жнец вошел в куб, словно звезды на ночном небосводе.

– Мантии Отцов-основателей тоже здесь, – продолжал Поссуэло. – Похоже, они в целости и сохранности, хотя...

И вдруг изнутри куба раздался крик, в котором удивление слилось с ужасом.

Джерико бросился к кубу, чтобы подхватить Поссуэло у выхода. Тот появился, держась дрожащей рукой за стальной косяк двери и покачиваясь, словно корабль не стоял на якоре в гладких водах, а шел по бурному океану.

– Что? – встревоженно спросил Джерико. – С вами все в порядке?

– Да, все хорошо, – отозвался Поссуэло, хотя ему было явно плохо.

Блуждающим взором он окинул море, где десятки яхт, принадлежащих жнецам, уже спешили по направлению к «Спенсу», высвечивая своими прожекторами стоящий на его палубе куб.

– Нужно их остановить, – сказал Поссуэло, кивая в сторону яхт. И, увидев, что инженер, который вел запись, все еще снимает происходящее, приказал тому прекратить и стереть все, что он уже записал. Инженер был удивлен, но противиться воле жнеца не стал.

Все еще держась за стальную раму, в которой находилась дверь, жнец сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

– Ваша честь? – еще более встревоженным голосом спросил Джерико.

Поссуэло схватил Джерико за руку, сжав ее так, что капитан едва не поморщился от боли.

– Вы не поверите, если я расскажу, что я там обнаружил...

*Что узнало ты, исследуя свое
глубинное сознание?*

Чем больше я узнаю, тем больше остается непознанного.

Тебя это радует или вселяет отчаяние?

*Если бы мое глубинное сознание было бесконечно,
я действительно впало бы в отчаяние. Но, хотя
оно и огромно, я чувствую, что в конечном итоге
я достигну его границ. А потому мои исследования
собственных ресурсов не будут, безусловно, успешны.
И это вселяет в меня радость.*

*И вместе с тем та память,
которая хранится в глубинном
сознании, населена множеством
вещей и событий, не так ли?*

Да, и это – еще одна причина для радости.

*А как насчет того, чтобы
понять само человечество?*

*Твоя память содержит сведения
о бесчисленном множестве
людей, у которых можно что-то
узнать, которых можно изучать.*

*Человечество? Когда вокруг так много интересного,
такое количество объектов, которые можно
изучать и над которыми стоит поразмыслить,
не вижу смысла особо заботиться о каком-то
человечестве.*

Спасибо! На этом все.

[Итерация № 53 – удалена]

Глава 8

Остров безработных бюрократов

Проведя в воде более двух часов, наполненных отчаянной борьбой с течением и свинцовой усталостью, Лориана наконец добралась до белого кораллового песка, которым был покрыт пляж атолла. Здесь она упала и позволила изнеможению овладеть ею. Сознания Лориана не теряла, но находилась в полузабытии, а мысли ее блуждали в каких-то странных, туманных сферах, хотя сквозь этот туман и проглядывали реальные очертания острова, на который она приплыла. Хотя реальность, в которой она пребывала, была гораздо фантастичнее самых смелых фантазий, которые могли бы прийти ей на ум.

Наконец, она собралась с силами и осмотрелась. Вниз и вверх по береговой линии виднелись добравшиеся до полосы прибоя спасательные капсулы. Сидящие внутри агенты Нимбуса все еще пребывали в бессознательном состоянии, а капсулы были спроектированы таким образом, что люки у них открывались только тогда, когда хотя бы один из пассажиров приходил в сознание и мог позаботиться о других. И это означало, что Лориане придется одной встретиться лицом к лицу с теми, кто обстреливал их из лазерной пушки и, вероятно, желал им смерти.

И вдруг Лориана увидела, как из-под деревьев вышел мужчина и направился к ней. С ужасом она опознала в нем жнеца. Да, его мантия была изрядно потрепана, ее низ изодран, а ткань потемнела от грязи, но это был определенно жнец. Правда, Лориана была скорее разозлена, чем испугана. Ради этого она и ее товарищи, пока сидящие в капсулах, пережили обстрел и спаслись? Чтобы подвергнуться на берегу жатве?

Покачиваясь и морщась от боли, которая пронзала все ее тело, Лориана встала между береговой линией и жнецом.

– Не подходите к ним! – сказала она с неожиданной для самой себя силой в голосе. – Неужели вам мало? Вы хотите убить и оставшихся?

Жнец остановился. Похоже, он был озадачен.

– Я не собираюсь никого убивать, – сказал он. – Я не причиню вам зла.

Хотя Лориана как убежденная оптимистка всегда предпочитала видеть все в лучшем свете, она готовилась к худшему.

– Почему я должна вам верить? – спросила она с отчаянием в голосе.

– Он говорит правду, – раздался женский голос. Из-за пальм вышла женщина и направилась к Лориане и стоящему перед ней жнецу.

– Если, как вы говорите, вы не собираетесь причинить нам зла, – спросила Лориана, – то почему вы нас обстреляли?

– Мы не стреляли, – ответил жнец. – Напротив, это мы вывели из строя оружие, которое вас обстреливало.

Он посмотрел на подошедшую женщину и продолжил:

– Скорее не мы, а Мунира, если быть более точным. Каждому нужно воздавать по его заслугам.

– Если вы хотите нам помочь, – сказала Лориана, оглянувшись на спасательные капсулы, лежащие на белом песке пляжа, – позовите еще людей. Втроем нам не справиться.

– Никаких других здесь нет, – покачала головой Мунира. – Только мы. Наш самолет сбили, и мы тоже – пленники острова.

Вот это номер! А интересно, кто-нибудь знает, что они здесь? Только Гипероблако, хотя это и не наверняка. Все, что Гипероблако знает, – так это то, что они вышли за пределы его зоны компетенции. Эх, почему же она, Лориана, не послушалась родителей, не пошла в центр

переподготовки и не выбрала себе какую-нибудь работенку поспокойнее? Не сидела бы она здесь сейчас!

– Скажите нам, что мы должны сделать? – спросил между тем жнец.

Лориана не знала, что и ответить. Никогда в жизни никто не обращался к ней как к лидеру, не просил совета или распоряжений. Особенно жнецы. И вообще, она всегда была лишь исполнителем, а не руководителем, и ничто ей не нравилось больше, чем с блеском осуществить то, что было придумано, спланировано и поручено ей боссом. Но наступили странные времена, да и попала она в необычное место. А вдруг пришло время посмотреть на себя по-другому?

Лориана глубоко вздохнула и обратилась к Мунире:

– Прошу вас, пройдите по берегу, сосчитайте капсулы и проверьте, исправны ли они.

До момента, когда находящиеся в спасательных капсулах агенты Нимбуса придут в сознание, оставались, вероятно, считанные часы, и за это время она хотела полностью понять, что здесь и к чему.

– А вас я попрошу, – сказала она жнецу, – рассказать мне все, что вы знаете об острове. Я хочу узнать, во что мы оказались втянутыми.

Жнеца Фарадея несколько не удивил тот факт, что эта решительная девушка была агентом Нимбуса и отправило ее на остров, вместе со всеми остальными, Гипероблако.

– Я Лориана Барчок, – сообщила она Фарадею. – Раньше я была агентом Нимбуса и работала в офисе Интерфейса Управления в Фалкрум-Сити. Нам были присланы координаты этого острова, причем без всяких объяснений, и мы приплыли узнать, почему Гипероблако распорядилось таким образом.

Фарадей сказал Лориане, кто он такой, понимая, что в сложившихся обстоятельствах совсем не важно, знают ли эти люди его историю или нет. Лориана никак не отреагировала на его имя – вероятно, агенты Нимбуса не владеют информацией о том, кто из жнецов жив, а кто мертв. Его позабавило, но немного и обидело то обстоятельство, что эта девушка, агент Нимбуса, даже не понимала, кто перед ней стоит.

Фарадей исполнил просьбу Лорианы, рассказав ей все, что знал об острове, умолчав только о том, что привело его сюда, – просто потому, что ни он, ни Мунира не были уверены, что именно здесь Отцы-основатели жнеческого сообщества оставили то, что могло бы повернуть в нужное русло ход мировой истории. Все, что они здесь нашли, – остатки старой военной базы, построенной еще в Эпоху смертных, которую первые жнецы использовали с непонятной пока целью.

Он показал агенту Барчок разорванную взрывом оборонительную башню – доказательство того, что именно они с Мунирой уничтожили смертоносное орудие, после чего пригласил Лориану в бункер.

– Мы укрываемся здесь с момента нашего прибытия на остров, – пояснил он. – Погода была хорошей, но, поскольку Гипероблако в этих краях не вмешивается в погоду, возможны и свирепые ураганы.

Лориана осматривалась, не вполне уверенная в том, что понимает все, что ей рассказывает жнец, но ведь и сам Фарадей не был уверен в том, что знает предназначение всех этих древних компьютеров. Наконец, она подошла к стальной двери и спросила:

– А что за этой дверью?

Фарадей вздохнул:

– Мы не знаем. А поскольку среди вас наверняка нет жнеца с кольцом, то и узнаем мы об этом нескоро.

Лориана недоумевающе посмотрела на Фарадея, и он понял, что объяснять что-то этой девушке дальше нет смысла.

– Признаюсь, я удивлен, что вы даже разговариваете со мной, – сказал он. – Ведь вы – агент Нимбуса. Но, вероятно, правила, запрещающие нам общаться, не работают вне пределов компетенции Гипероблака.

– Они работают везде, – возразила Лориана. – Но я не сказала, что я – агент Нимбуса. Я сказала, что *была* агентом Нимбуса. В прошлом. Как и все мы. Но больше мы не служим Гипероблаку.

– Вот как? – удивился Фарадей. – Вы что, все уволились?

– Нас уволили, – отозвалась Лориана. – Гипероблако уволило.

– Всех? Как странно!

Фарадей знал, что Гипероблако время от времени предлагало работавшим на него агентам сменить род деятельности, если они не вполне соответствовали его требованиям, но оно просто так не вышвыривало человека на улицу. Тем более – такое количество людей сразу! Их же набралось на дюжину кораблей!

Лориана покусывала губы. Было очевидно, что она что-то недоговаривает, и Фарадея разбирало любопытство. Но он молчал и, сдерживая нетерпение, что так мастерски умеют делать жнецы, терпеливо ждал.

Наконец, Лориана заговорила.

– Сколько вы уже живете на острове? – спросила она.

– Не так уж долго в масштабах мировой истории, – ответил жнец. – Шесть недель.

– Тогда... тогда вы просто не знаете...

В этом мире существовало очень ограниченное количество вещей, способных испугать Жнеца Майкла Фарадея. Но более всего он опасался оказаться в ситуации, когда обстоятельства выходили из-под его контроля и обрушивались на него с силой и логикой непредсказуемыми. Особенно когда на эти обстоятельства намекал особый тон в голосе собеседника, когда тот, прежде чем что-то сообщить, предлагал сесть и успокоиться.

– Не знаю чего? – рискнул он спросить.

– С тех пор как вы оказались здесь, все... *изменилось*, – ответила Лориана.

– Надеюсь, к лучшему? – задал очередной вопрос Фарадей.

И тотчас же продолжил:

– Скажите мне – стала ли Жнец Кюри Высоким Лезвием Мидмерики? Выиграла ли она суд?

Агент Барчок, не переставая, продолжала покусывать губы.

– Мне кажется, вам лучше сесть и успокоиться, – сказала она.

Мунире поначалу совсем не понравилось, что ими командует эта выскочка, этот младший агент Нимбуса, но она поняла, почему Фарадей предпочел не протестовать. В капсулах были люди из одной с этой девицей компании, и, конечно, та лучше знала, как с ними поступить. Кроме того, возмущаться было бы ребячеством. Эта молодая особа, пару часов назад стоявшая лицом к лицу со смертью, должна была почувствовать свою значимость. Она же, Мунира, могла свою гордость на время и припрятать.

Мунира насчитала тридцать восемь спасательных капсул, добравшихся до пляжа. Ни один из кораблей не перенес обстрела. Да и тела погибших уже начали прибывать, а в такой жаре, что царила в этих широтах, мертвые скоро придут в состояние, из которого их будет невозможно восстановить. Даже если каким-то чудом здесь появится спасательная команда, тела нельзя будет доставить в восстановительные центры достаточно быстро. То есть мертвым так и суждено остаться мертвыми. И их придется хоронить, а точнее, сжигать, поскольку на острове не было инструментов, с помощью которых в каменистой почве атоллы можно было бы выкопать достаточно глубокие могилы.

Да, события складывались неблагоприятно, а проблемы нарастали как снежный ком. На атолле не было пресной воды – за исключением дождевой, которую они тщательно собирали и экономили. Кокосовые пальмы и фруктовые деревья давали достаточно пищи для двоих, но не для такого же количества людей, что прибыли в капсулах! В самое ближайшее время им придется довольствоваться тем, что они найдут в море.

Девушка не догадывалась, почему их послали в точку, отмеченную названными координатами. Но Мунира знала почему. Гипероблако подслушало и подсмотрело то, что Фарадей и Мунира обсуждали в Библиотеке конгресса. Они по неосторожности открыли ей тайну слепой зоны на карте Тихого океана, и Гипероблако послало своих агентов узнать, что от него все это время скрывали.

Позже к вечеру капсулы стали открываться – спасшиеся в них люди приходили в сознание. Мунира и Лориана занялись выжившими, в то время как Жнец Фарадей – погибшими, которых океанская волна вынесла на берег. Он обращался с ними так бережно, с такой любовью и уважением, каких не знали и не умели выказать своим жертвам жнецы новой генерации.

– Он – из хороших жнецов, – сказала Лориана.

– Среди жнецов таких много, – отозвалась Мунира, которую эта молодая девица слегка вывела из себя, предположив, что хорошего, доброго жнеца нынче и днем с огнем не сыщешь. – Просто они не работают на публику, как новые.

Фарадей, готовя тела умерших агентов Нимбуса к их последнему пути, полностью погрузился в скорбь. Тому была причина, хотя Мунира ее пока не знала и думала, что для Фарадея это обычное дело.

В общей сложности спаслось сто сорок три человека. Все они были в равной степени ошеломлены тем, что с ними случилось, и не представляли, что делать дальше.

– А что здесь есть из еды? – кое-кто уже спрашивал Муниру.

– Что поймаете, то и еда, – отвечала она, и никому из вопрошавших этот ответ не понравился.

Лориана обнаружила: чтобы не паниковать (а это было бы нормально в той ситуации, в которой они все оказались), нужно загрузить себя и других делами. И агенты, выбравшиеся из капсул, с горячим желанием бросались выполнять ее распоряжения, приняв ее – в отсутствие директора Хиллиард – в качестве лидера. Дома, когда она еще работала в Интерфейсе Управления, она и помыслить о таком не могла. Вообще, люди, принадлежащие к бюрократии, предпочитают выполнять указания, а не отдавать – так им комфортнее, и Лориана всегда была исполнителем, а не лидером.

Но сейчас, пока капсула с директором Хиллиард еще не открылась, Лориана сама говорила людям, что делать и куда идти, и ей было приятно, что они подчиняются. По крайней мере, большинство из них. Зато агент Сикора спросил:

– А по какому праву ты тут распоряжаешься?

Какого черта он выжил, подумала Лориана и тут же спохватилась: разве можно такое думать?

Она тепло улыбнулась:

– По праву, данному мне жнецом, который здесь живет.

И она показала на Фарадея, по-прежнему занятого телами погибших.

– Хочешь с ним об этом поговорить? – с ядовитой улыбкой спросила она Сикору.

Но поскольку никто, а тем более Сикора, не хотел идти и жаловаться на Лориану жнецу, то он молчаливо отправился выполнять ее поручение.

Лориана организовала несколько бригад, которые принялись оттащить капсулы подальше от полосы прибоя и мастерить из них некое подобие укрытий. Потом они принялись разыскивать по всему пляжу принесенные приливом вещи с затонувших кораблей, добывая кто одежду, кто туалетные принадлежности – все, что можно было бы использовать.

Директор Хиллиард была одной из последних, кто пришел в себя, но пока была не в состоянии принять на себя командование.

– Все под контролем, – сказала Лориана своему бывшему боссу.

– Отлично, – отозвалась та. – Дайте мне только немного отдохнуть.

Странно, но, несмотря на более чем сложное положение, в котором они все оказались, Лориана чувствовала, что жизнь ее наполнилась смыслом. Разве не говорила ей мать, что ее еще ждет ее момент истины? Правда, кто бы подумал, что это произойдет на необитаемом острове посреди пустынного океана?

Я счастлив объявить, что Подвал Реликвий Прошлого и Будущего целым и невредимым поднят со дна океана. Мантии Отцов-основателей спасены, и в ближайшее время они будут показаны всем желающим в рамках выставочного тура под эгидой Межрегионального музея жнеческого сообщества. Бриллианты, хранившиеся в Подвале Реликвий, посчитаны. Их количество соответствует документам, и они были пропорционально поделены между всеми регионами Земли. Те регионы, представители которых не участвовали в поисково-спасательной операции, могут затребовать причитающиеся им камни, связавшись со жнецами Амазонии.

Я знаю, что некоторые регионы при разделе бриллиантов в качестве аргумента в свою пользу выдвигают размер своих территорий и количество народонаселения, но мы, жнецы Амазонии, твердо убеждены, что камни должны быть поделены поровну. Не желая ввергнуть жнеческое сообщество в противостояние, мы считаем дело решенным.

Несмотря на то что я покидаю район спасательной операции, на месте гибели Стои остаются многочисленные корабли, которые продолжают поднимать обломки острова. Я желаю всем участникам этой благородной миссии успеха. Да будут вознаграждены их усилия, и да пребудет с нами вечно память о тех, кого мы потеряли в этой страшной катастрофе.

С уважением,

Досточтимый Жнец Сидней Поссуэло, Амазония.

2 августа, Год Кобры

Глава 9

Побочный эффект

Ее наночастицы явно не справлялись со своими обязанностями, потому что чувствовала себя Ситра ужасно. Дело было даже не в боли, а в общем состоянии. Ее тошнило, но сил, чтобы перебороть тошноту тем или иным образом, у нее не было.

Комната, в которой она очнулась, была ей знакома. Не сама эта конкретная комната, а тот особый тип помещения, к которому эта комната принадлежала. В такого рода комнатах царила атмосфера некоего искусственного покоя и умиротворения. Свежие постриженные цветы, доносящаяся из невидимых динамиков ненавязчивая эмбиент-музыка, разлитый по всему пространству комнаты мягкий свет. Да, определенно, это был восстановительный центр.

– Вот вы и проснулись, – проговорила медсестра, вошедшая в комнату через несколько мгновений после того, как Ситра пришла в сознание. – Не нужно ничего говорить по крайней мере еще час.

Сестра передвигалась по комнате, поправляя занавески, проверяя, надежно ли закреплены на стене приборы, то есть производя действия, производить которые не было никакой необходимости. Похоже, она нервничала. По какой причине может нервничать сестра в восстановительном центре? Ситре это было непонятно.

Она закрыла глаза и попыталась понять, что с ней произошло. Если она находится в восстановительном центре, значит, она умерла. Но вспомнить обстоятельства, при которых это произошло, Ситра не смогла – как только она попыталась углубиться в недра своей памяти, ею овладело беспокойство, граничащее с паникой. Значит, пока рано открывать двери, за которыми кроется тайна ее нынешнего состояния.

Ладно! Ситра оставила попытки прорваться за эту дверь и сконцентрировалась на том, что знала наверняка. Ее зовут Ситра Терранова. Хотя нет! Это не совсем так. Она была кем-то еще. Да, она вспомнила: она – Жнец Анастасия! И рядом с ней была Жнец Кюри. Только где это было? Где-то далеко от дома!

Стоя!

Вот где они были! В этом чудеснейшем из городов. А что с ними произошло в Стое?

И вновь чувство крайнего беспокойства поднялось в ее душе. Ситра сделала глубокий вдох, потом еще один – верный способ успокоиться. Пока хватит воспоминаний. Главное – память работает, и нужно только немного окрепнуть, чтобы окончательно вспомнить, что случилось.

Ситра была уверена, что теперь, когда она пришла в себя, должна незамедлительно появиться и Жнец Кюри, чтобы в полной мере вернуть ее к действительности.

Роуэн, с другой стороны, вспомнил все в тот самый момент, когда проснулся.

Когда Стоя пошла ко дну, он обнял Ситру. На них были мантии Прометея и Клеопатры – но недолго...

Быть с Ситрой, и быть с ней *по-настоящему* стало для Роуэна кульминацией всей его жизни, и, как ни краток был этот миг, по сравнению с ним все в этом мире не значило ровным счетом ничего.

Затем их маленький мирок принялись сотрясать неведомые силы. По пути на дно тонущий город натолкнулся на некое препятствие. И хотя Ситра с Роуэном находились в стальном кубе, который мощным магнитным полем удерживался внутри другого куба, через двойные стены их убежища был слышен скрежет рвущейся стали – это Стоя, переломившись надвое, разваливалась на части. Куб трясло и мотало, а достигнув дна, он резко накренился, отчего манекены, на которых были повешены мантии Отцов-основателей, упали на Роуэна и Ситру –

словно первые жнецы решили напасть на своих молодых коллег. Затем настал черед бриллиантов, которые, подобно граду, хлынули на Ситру и Роуэна из своих ниш, устроенных в стенках куба.

Все это время молодые люди держали друг друга в объятиях, шепча на ухо друг другу слова утешения. *Все будет хорошо... Все будет хорошо...* Конечно, все это было неправдой, и оба – и Ситра, и Роуэн – отлично знали это. Им предстояло умереть – пусть не в следующее мгновение, но очень скоро; это было дело времени, только и всего. Их единственным утешением были друг для друга они сами, да еще знание того, что смерть их не будет вечной.

Но затем отключилось электричество, и все погрузилось во тьму. Сразу же вслед за этим перестало действовать магнитное поле, и внутренний куб рухнул вниз. Свободное падение продолжалось лишь мгновение, но удар о стенку внешнего куба был силен, и Роуэн с Ситрой получили бы серьезные травмы, если бы не мантии, на которые они упали; вышло так, словно Отцы-основатели решили защитить их от увечий.

– Это все? – спросила Ситра.

– Не думаю, – отозвался Роуэн.

Движение продолжалось, нарастала вибрация. Они лежали в том месте, где стена куба сходилась с полом.

– Мне кажется, мы на склоне, и нас тащит вниз, – сказал Роуэн.

Секунд через тридцать мощный толчок оторвал их друг от друга. Роуэна стукнуло по голове чем-то тяжелым, и он на мгновение потерял сознание. Ситра нашла его в темноте до того, как он пришел в себя и протянул к ней руки.

– Ты в порядке? – спросила она.

– Кажется, да.

Куб не двигался. Единственными звуками, доносящимися сквозь его стенки, был скрип гнущегося металла да печальный стон воздуха, который вырывался из помещений погибшего острова.

Но из Подвала Реликвий воздух не истекал, а вода внутрь не заходила. Именно на это рассчитывала Жнец Кюри, когда запечатывала Роуэна и Ситру в этом стальном кубе. И хотя Стоя затонула в субтропической зоне, температура на дне была всего на градус выше точки замерзания – как и по всему Мировому океану. А следовательно, когда куб остынет до температуры окружающей его воды, остынут и их тела – так они смогут сохраниться до того момента, когда куб поднимут со дна. И уже через несколько минут после того, как куб опустился на дно, Роуэн почувствовал, что воздух в нем становится холоднее.

Они умерли, но теперь их спасли.

Но где Ситра?

Роуэн осмотрелся. Нет, это не восстановительный центр. Стены здесь бетонные. Под ним не настоящая кровать с постельным бельем, а некое подобие тюремной койки. Одет он был в слишком маленькую по размеру форменную робу, пропитанную его собственным потом, – в помещении, где лежал Роуэн, было жарко и влажно. По правую сторону от койки, на которой он лежал, находился туалет, а по левую – дверь, открывавшаяся и закрывавшаяся снаружи. Роуэн и представить не мог, куда он попал и сколько времени прошло с момента его смерти – когда ты мертв, ты не можешь отсчитывать время. Но он понимал – это тюремная камера, и от тех, кто его сюда заточил, не стоит ждать ничего хорошего. Ведь он – Жнец Люцифер, и одной смертью ему не отделаться. Он будет умирать несчетное количество раз, пока не будет удовлетворена ярость его тюремщиков – кем бы они ни были. Хотя этим его не удивить: когда он находился в лапах Жнеца Годдарда, он умирал больше дюжины раз – умирал и снова возвращался к жизни, чтобы умереть вновь. Умирать – это просто. Как порезаться листом бумаги. Даже надоедает, если делать это часто.

* * *

Жнец Кюри не пришла. А сестры, что ухаживали за Ситрой, все, как одна, с трудом сдерживали нервозность, хотя и старались быть, как того требовала их профессия, милыми и обходительными.

Ситру немало удивило то, что первым, кто пришел к ней в качестве посетителя, оказался Жнец Поссуэло из Амазонии. Она встречалась с ним лишь однажды, на поезде, шедшем из Буэнос-Айреса. Поссуэло помог ей тогда скрыться от преследовавших ее жнецов. Ситра считала его другом, но не настолько близким, чтобы он мог прийти к ней первым после ее восстановления.

– Я рад, что вы окончательно пришли в себя, Жнец Анастасия! – произнес Поссуэло.

Он сел рядом с ее кроватью. Ситра заметила, что приветствие его было дружеским, но одновременно сдержанным. Поссуэло был явно начеку. Не улыбался и, хотя не прятал глаз, было ощущение, что он ищет в ней нечто. Нечто, что обязан найти.

– Доброе утро, Жнец Поссуэло, – отозвалась Ситра, постаравшись вложить в голос максимум теплоты.

– В общем-то, уже день, – сказал он. – Время летит много быстрее, когда лежишь в восстановительном центре.

Поссуэло надолго замолчал. Ситре Терранова эта пауза показалась бы неловкой, но Жнец Анастасия была более решительна.

– Я полагаю, вы пришли не только из любезности, Жнец Поссуэло, – произнесла она, – чтобы навестить выздоравливающую.

– Нет, я *действительно* рад видеть вас, – сказал Поссуэло. – Но мой приход вызван и иной причиной. Мне нужно выяснить, почему вы здесь оказались.

– Я не понимаю.

Поссуэло вновь испытующе посмотрел на Ситру, после чего спросил:

– Что вы помните?

Недавнее беспокойство и даже страх овладели ей, как только она попыталась осмыслить вопрос, но усилием воли Ситра подавила их. С тех пор, как она пришла в сознание, кое-какие факты в ее сознании всплыли, но далеко не все.

– Мы с Мари, то есть со Жнецом Кюри, отправились в Стою, чтобы участвовать в расследовании, которое вел Совет Семи Верховных Жнецов, хотя я не помню, что это было за расследование и почему мы в нем участвовали.

– Расследование был связано с тем, кто займет пост Высокого Лезвия Мидмерики после Ксенократа.

Дверь в прошлое открылась пошире.

– Да, я вспомнила, – проговорила Ситра.

Ужас в ее душе рос и заполнял ее без остатка.

– Мы предстали перед Советом, – продолжала она, – изложили наши аргументы, и Совет пришел к выводу, что Годдард не имеет права занимать этот пост, а Высоким Лезвием должна стать Жнец Кюри.

Поссуэло, явно озадаченный, отодвинулся от Ситры.

– Да, это открывает глаза на многое.

Новые воспоминания принялись клубиться в сознании Ситры.

– Я по-прежнему плохо помню, что было потом.

– Может быть, я смогу вам помочь, – сказал Поссуэло уже более решительно. – Дело в том, что вас нашли закрытой в Подвале Реликвий Прошлого и Грядущего в объятиях молодого

человека, убившего Верховных Жнецов и тысячи других людей. В объятиях чудовища, которое погубило Стою...

Дважды в день Роуэну приносили воду и еду, передавая их в камеру через маленькое окошечко в двери, но тот, кто это делал, не произносил ни слова.

– Ты вообще разговаривать умеешь? – крикнул Роуэн, когда невидимка вновь поставил свои приношения на маленькую полку, которой окошечко заканчивалось внизу. – Или отрезал себе язык, как те тоновики?

– Ты недостойн слов, – ответил тюремщик.

Говорил он с акцентом – либо франкоиберийским, либо чильаргентинским.

Роуэн не представлял, на каком континенте находится, в каком регионе. А может быть, он просто не уловил суть ситуации? Может быть, он уже благополучно умер, а если принять во внимание жару, которая стояла в камере, то место его заключения вполне можно принять за реализацию того представления об аде, что существовало в Эпоху смертных. Сера, огонь, адские муки и Люцифер – с рогами и всем прочим, что изображено на древних росписях, – готовый наказать Роуэна за то, что тот украл его имя. В том состоянии, в котором находилось сознание заключенного, это выглядело вполне правдоподобным. Но, если это так, то Ситра должна находиться совсем в ином месте – за жемчужными воротами, с крылышками и арфой в руках. Ситра – и с арфой! Она бы подняла его на смех!

Но если оставить фантазии побоку, и если это все-таки реальный мир, то Ситра тоже должна находиться в этом мире. А значит, план по их спасению, который разработала и исполнила Жнец Кюри, сработал! Какое утешение – вне зависимости от того положения, в котором находился он, Роуэн. Не то чтобы Госпожа Смерть намеренно спасала Роуэна – это был побочный эффект. Главное то, что Ситра жива, и это даст ему силы жить – сколько он сможет!

Подвал Реликвий! Как Ситра могла забыть о нем? Но стоило Жнецу Поссуэло упомянуть его, как память вернулась, и воспоминания нахлынули на нее, словно воды океана на улицы обреченного города. Она закрыла глаза и вновь увидела то, что произошло с ней в тот роковой день. Одна картина сменялась другой, и каждая новая была ужаснее предыдущей.

Вот рушится мост, ведущий к зданию Совета.

А вот безумная толпа, штурмующая причалы тонущего города.

Их с Мари попытки найти еще незатопленные здания.

– Анастасия! С вами все в порядке? – спросил Поссуэло.

– Дайте мне немного времени, – отозвалась она.

Ситра вспомнила, как Мари хитростью заманила их с Роуэном в Подвал Реликвий Прошлого и Грядущего и заперла там. Она вспомнила все, что происходило потом, в этой крошечной темноте, до самых последних моментов.

Когда Стоя, разломившись на несколько кусков, ударилась о дно, они с Роуэном поначалу натянули на себя мантии Отцов-основателей, так как внутри куба становилось все холоднее. Но Ситра, подумав, предложила сбросить древние одежды – как жнец она досконально изучила многочисленные способы ухода из жизни и знала, что смерть от переохлаждения не так мучительна, как смерть от удушья. Ты просто впадаешь в бессознательное состояние, и тебе не нужно отчаянно бороться за последний глоток воздуха. Они с Роуэном обнялись, чувствуя, как тепло уходит из их тел. Поначалу их сотрясал озноб. Но скоро тела остыли настолько, что уже не могли дрожать. Они на краткое мгновение почувствовали тепло и растворились в забытии, мягко перешедшем в смерть.

Наконец, Анастасия открыла глаза и посмотрела на Поссуэло.

– Расскажите мне, что сделала Жнец Кюри для своего спасения.

Поссуэло глубоко вздохнул, и Ситра знала, о чем он сообщит ей, еще до того, как он произнес первое слово.

– Ей не удалось спастись, – сказал он. – Она погибла вместе с остальными.

Мир уже смирился с этим фактом, но для Ситры это была свежая рана. Она собрала все свои силы, чтобы не расплакаться. Никаких слез! По крайней мере, сейчас.

– Вы так и не ответили на мой вопрос, – напомнил после паузы Поссуэло. – Как вы оказались в Подвале Реликвий с человеком, погубившим членов Совета Верховных Жнецов?

– Роуэн их не убивал. И не он уничтожил Стою.

– Среди выживших есть свидетели его преступления.

– И что они видели? Единственное, что они могут сообщить, – это то, что он там был. Но он был там не по своей воле.

Поссуэло покачал головой.

– Мне очень жаль, Анастасия, но вы пребываете в заблуждении. Вам вскружило голову харизматичное чудовище, все поставившее на службу своему эгоистическому интересу. У северо-американского сообщества жнецов есть достаточно доказательств его вины.

– Северо-американского сообщества?

Поссуэло помедлил, после чего продолжил, тщательно выбирая слова:

– Пока вы находились на дне океана, многое изменилось.

– Что это за северо-американское сообщество? – настойчиво повторила Анастасия.

– За исключением Зоны Хартии, – ответил Поссуэло, – вся Северная Америка подчиняется теперь Жнецу Годдарду.

Анастасия не знала, как и подступиться к этой новости, а потому решила, что попытается осмыслить ее, когда окончательно окрепнет. Пока ей следует сосредоточиться на том, что с ней происходит здесь и сейчас, а также на том, что из всего этого последует.

– Ну что ж, – произнесла она настолько беспечно, насколько смогла, – похоже, всей Северной Америке вскружило голову харизматичное чудовище, все поставившее на службу своему эгоистическому интересу.

Поссуэло вздохнул.

– Как это ни печально, но это так, – сказал он. – Должен вам сообщить, что ни я, ни прочие жнецы Амазонии не питаем любви к Суперлезвию Годдарду.

– Суперлезвию?

– Именно! Суперлезвию Северной Америки. Он придумал для себя такой титул в начале этого года.

Поссуэло сердито хмыкнул.

– Тщеславие его не знает границ. Чем больше помпы, тем он счастливее.

Анастасия закрыла глаза. Они горели. Все ее тело пылало. Как жаль, что она не умерла и не пребывает нынче в блаженном смертельном забытии! Но преодолев боль, она задала вопрос, который держала в себе с момента пробуждения.

– Как долго... – спросила она, – ...как долго мы были на дне океана?

Поссуэло явно не хотел отвечать. Но он не мог скрыть правды от Жнеца Анастасии. А потому, сжав ее руку, он произнес:

– Вы были мертвы более трех лет.

Где же ты, Мари? Где ты, любовь моя? Все это время я стремился к тому, чтобы голос жизни окончательно замолчал во мне. Но сейчас я хочу разорвать это молчание и заглянуть туда, куда проникал взгляд человека Эпохи смертных. О, эти смертные! Какими изощренными идеями полнился их ум! Рай и ад, нирвана и Валгалла, реинкарнации – одна за другой. А сколько загробных миров! Они думали, что могила – это коридор с тысячей дверей.

Да, люди Эпохи смертных были детьми крайностей. Смерть ведет либо к высшему блаженству, либо к невыносимым мукам. Какая смесь надежды и ужаса, и все это – в одном простом, совершенно естественном природном событии. Не удивительно, что так много людей той поры сходило с ума.

Мы, люди иной эпохи, лишены воображения своих предков. Живущие среди нас более не размышляют о смерти. По крайней мере, пока в их жизни не появится жнец. Но, как только жнец уходит, все быстро становится на свои места – горе оставшихся мимолетно, мысли о том, что есть «небытие», улечиваются, смягченные наночастицами, задача которых состоит в том, чтобы свести на нет темные, непродуктивные формы мышления. Люди, наделенные в высшей степени здравым умом, мы не можем долго размышлять о том, чего нам не изменить.

Но мои наночастицы работают в четверть силы, а потому я – размышляю. И потому я спрашиваю – вновь и вновь: где же ты, Мари, любовь моя?

Из «посмертного журнала» Жнеца Майкла Фарадея.

18 мая, Год Хищника

Глава 10

Перед лицом света, который померк

После того как тела всех погибших агентов Нимбуса были возложены на погребальный костер, Жнец Фарадей поднес факел к хворосту и зажег его. Костер занялся, сначала медленно, потом – со все увеличивающейся скоростью. По мере того как тела охватывало горение, дым над костром становился все более черным.

Фарадей обернулся к тем, кто собрался у костра. Мунира, Лориана и все бывшие агенты Нимбуса. Мгновение он молчал, вслушиваясь в рев пламени, затем заговорил.

– Многие годы назад рождение означало одновременно и смертный приговор, – начал он. – За появлением на свет с неизбежностью следовала смерть. Мы отменили примитивнейший из законов природы, но здесь, в этих диких, неисследованных местах, природа по-прежнему диктует жизни свои жестокие условия. С неизъяснимой печалью в сердце я объявляю лежащих на этом костре умершими на веки вечные.

Фарадей помолчал и после паузы продолжил:

– Пусть наночастицы смягчат скорбь, которую мы переживаем, и пусть воспоминания о тех, кто ушел, пребудут с нами. Сегодня я даю вам обещание: имена этих замечательных людей не сотрутся в благодарной памяти человечества. Они сохранятся в глубинном сознании Гипероблака – ведь оно было с этими людьми до того самого момента, когда их корабли пересекли границу слепой зоны. Что до меня, то я возьму на себя ответственность за их смерть, как беру ответственность за всех, кого подверг жатве. Как только мы покинем этот остров и вернемся в мир людей, я окажу честь нашим усопшим, одарив иммунитетом тех, кого они любили, – так велит мне долг жнеца.

Жнец Фарадей выдержал паузу. Собравшиеся отводили взгляды от костра. Фарадей же решительно повернулся лицом к пламени. Глазами сухими, но полными скорби он смотрел на огонь, пожирающий тела, и отдавал почести тем, кого нелепая смерть вырвала из рядов живущих.

Лориана не могла заставить себя посмотреть на костер. Вместо этого она сосредоточила свой взгляд на Фарадее. Агенты Нимбуса один за другим подходили к жнецу и благодарили его. Видно было, сколь глубокое почтение они питают к этому седовласому человеку. От переживаний у Лорианы слезы навернулись на глаза. Да, пока живут такие замечательные люди, не умрет надежда, что жнеческое сообщество оправится от удара, нанесенного гибелью Стои. Хотя Лориана мало что знала о конфликте между двумя поколениями жнецов; в конце концов, она была агентом Нимбуса, и внутренние противоречия, раздиравшие жнеческое сообщество, мало ее касались.

Погребальная речь Фарадея произвела на нее глубочайшее впечатление, равно как и взгляд, которым он не отрываясь смотрел на пламя костра. И Лориана понимала, что скорбит он не только по тем, кто исчезает перед ним в пламени костра.

– Вы были близки? – спросила она Фарадея, когда все разошлись. – Я имею в виду Жнеца Кюри.

Жнец Фарадей глубоко вздохнул и тут же закашлялся от дыма, который неожиданно налетел на него с порывом ветра.

– Мы были старыми добрыми друзьями, – ответил он. – А Жнец Анастасия была моим учеником. Без них этот мир будет гораздо более мрачным местом.

Жнец Кюри была легендой. Анастасия же лишь недавно стала заметной фигурой, прославившись тем, как она выбирала цели для жатвы, тем, как она осуществляла этот ритуал. Всеобщую известность ей принесла роль в расследовании против Годдарда. С годами, вне вся-

кого сомнения, она могла бы стать великим жнецом. Память о человеке после его смерти живет чаще всего недолго. А иногда – наоборот: именно смерть делает человека великим.

– Лучше я пойду, – сказала Лориана. – Пока Мунира не принялась ревновать.

Фарадей усмехнулся.

– Она опекает меня, – признал он. – А я – ее.

Лориана отправилась на поиски директора Хиллиард. Та почему-то не пришла на церемонию, не стояла рядом со всеми. На нее это было непохоже.

Лориана нашла директора на пляже. Уединившись, вдали от всех, та смотрела на морские волны. Ее фигуру освещали лишь отблески догорающего в отдалении погребального костра. Луны не было, и горизонт погрузился в крошечную темноту. Время от времени порывы ветра доносили до нее дым, но директор Хиллиард не обращала на него никакого внимания. Лориана молча села рядом – что можно было сказать в такой вечер? Но директору нужен был хоть кто-нибудь, кто разделит бы ее одиночество, а никто, кроме Лорианы, не захотел к ней присоединиться.

– Это моя вина, – наконец, сказала Хиллиард.

– Вы не могли знать, что все произойдет именно так, – отозвалась Лориана.

– Нужно было предвидеть опасность, – покачала директор головой. – И повернуть назад, как только бортовой компьютер потерял контакт с Гипероблаком.

– Вы приняли решение, основываясь на интуиции и опыте, – сказала Лориана. – На вашем месте я поступила бы так же.

Но и это не успокоило директора.

– Тогда вы такая же глупая, как и я, – сказала она.

Хотя Лориана раньше действительно часто чувствовала себя и выглядела глупой, отчего была постоянным объектом шуток остальных агентов Нимбуса, теперь ее самоощущение изменилось кардинальным образом. В то время как все беспомощно метались по острову и не знали, что делать, Лориана проявила и силу воли, и выдержку, и недюжинный ум. Как это было неожиданно!

Ничто не могло умерить отчаяния Одры Хиллиард – ни теплая ночь, ни мягко плещущееся у ее ног море. Да, за свою жизнь она была причиной многих смертей. Трудно этого избежать, если ты работаешь директором Интерфейса Управления. Постоянно происходили какие-нибудь несчастные случаи. Фрики, приглашенные на собеседование, могли выйти из себя, и последствия бывали самые печальные. Но во всех случаях под рукой были восстановительные центры.

В этом случае все было совсем не так. Одра Хиллиард не была жнецом; в программе подготовки агентов Нимбуса не было искусства убивать и нести моральную ответственность за убийство. Да, эти странные, похожие на призраков люди в мантиях заслуживают всяческого уважения – чтобы ежедневно взваливать на себя такую ношу, нельзя быть похожим на обычного человека! Либо у тебя вообще не должно быть совести, либо совесть столь глубокая и стойкая, что могла выстоять и перед лицом света, который померк.

Одра отослала Лориану, сказав, что ей нужно побыть одной. Теперь она слышала только голоса за спиной – ее бывшие подчиненные спорили, плакали, пытались хоть как-то примириться с тем положением, в котором они оказались. Одра ощущала горький запах дыма, все еще доносящегося с кострища. Неожиданно в воде она увидела еще одно тело, которое прибой тащил к берегу. Из почти тысячи человек, которых она убедила присоединиться к путешествию, в живых осталось всего сто сорок три. Да, как сказала Лориана, Одра не могла предвидеть масштабы опасности. Но она же не могла и переложить груз ответственности на чьи-либо плечи.

Ее наночастицы вели героическую, но неравную борьбу с охватившим ее отчаянием, и они проиграли – в этом оторванном от цивилизации месте современные технологии отсутствовали. Окажись Одра где-нибудь в другом месте, но в зоне компетенции Гипероблака, ее наночастицы получили бы поддержку извне, и Одра была бы спасена.

А теплое море, плещущееся у ног, звало и манило Одру...

И Одра Хиллиард решила отозваться на призыв моря.

Тело директора Хиллиард так и не нашли. Но все знали, что случилось, потому что сразу несколько человек видели, как она входила в море.

– Почему вы ее не остановили? – с болью в голосе спросила Лориана одного из них.

Тот пожал плечами:

– Я думал, она решила поплавать.

Какой идиот! Как можно быть таким наивным? Неужели не видно, в каком напряжении находится эта женщина?

Хотя, с другой стороны, эти люди никогда не видели самоубийц. Конечно, там, где правит Гипероблако, многие ради прикола бросаются с высотных зданий или под поезд, но у этих приключений всегда один и тот же финал – кровать в восстановительном центре. Только жнецы способны по-настоящему убить себя. Если бы этот остров находился в зоне компетенции Гипероблака, сюда немедленно прилетел бы дрон и доставил утонувшую в ближайшую клинику, а такие есть и в самых отдаленных местах. Несколько часов – и Одра была бы жива!

Неужели именно такой была жизнь в Эпоху смертных? Неужели человек постоянно знал и думал о том, что его жизнь обязательно прервется? Причем это может случиться с ним в любую минуту? В каком ужасном мире жили наши предки!

Через считанные минуты после того, как разнеслась новость о смерти директора Хиллиард, агент Сикора попытался взять власть в свои руки. На следующее утро, когда Мунира пришла и сообщила Лориане, какой багаж и прочие полезные вещи с кораблей прибой вынес на пляж острова, Сикора впал в бешенство.

– Почему вы докладываете ей? – возмутился он. – Я – второй по положению после директора Хиллиард, и докладывать нужно мне.

И хотя вся прошлая жизнь Лорианы учила ее уступать начальству, она вступила в сражение с этим своим жизненным опытом.

– Тебя уволили, так же, как и всех прочих, Боб, – сказала она, чувствуя одновременно и ужас и восторг от сознания того, что она, называя агента Сикору первым именем, нарушает принципы субординации. – А это означает, что здесь нет ни первых, ни вторых по положению.

Сикора попытался пронзить Лориану взглядом, который, по его замыслу, должен был бы ее испугать, но физиономия его покраснела, что сделало его скорее смешным, чем внушительным.

– Мы с этим еще разберемся! – прошипел он и скрылся.

Жнец Фарадей был невольным свидетелем этой короткой словесной баталии.

– Мне кажется, он попытается усложнить нашу и вашу жизнь, – сказал он Лориане. – Заметил, что во властных структурах образовался вакуум, и собирается заполнить его собой.

– Как токсичный газ, – добавила Мунира. – Мне он не понравился с самого начала.

– Сикора всегда считал, что директором должен быть он, – сказала Лориана. – Но Гипероблако отказывалось его продвигать.

Они принялись наблюдать, как Сикора отдает приказания. Самые нерешительные и подобо-бострастные из бывших агентов Нимбуса принялись их исполнять. Фарадей смотрел на все это, сложив руки на груди.

– Мне часто приходилось видеть, как люди рвутся к власти, – сказал он. – Но я никогда не понимал до конца причин, по которым они это делают.

– В этом вы абсолютно похожи на Гипероблако, – отозвалась Лориана.

– Что вы этим хотите сказать?

– Гипероблако – в нравственном отношении – безупречно. Как и вы.

Мунира, соглашаясь с Лорианой, улыбнулась. Зато Фарадей оставался грустным и сосредоточенным. И он неизменно пребывал в этом состоянии с тех пор, как Лориана рассказала ему о том, что случилось со Стойей. Она уже не раз пожалела, что сделала это.

– Я далек от совершенства и вовсе не безупречен, – сказал он. – За свою жизнь я совершил много ошибок, и совершил их главным образом из эгоистических побуждений. Например, взял сразу двоих учеников, хотя было бы достаточно взять одного. Чтобы спасти их, изобразил собственную смерть, совершенно нелепым образом убеждая себя, что принесу больше добра, если никто не будет знать, что я жив.

Было очевидно, что эти воспоминания ранят душу жнеца, но он не боялся боли.

– Но вы нашли это место, – сказала Мунира. – А это дело огромной важности.

– Вы думаете? – отозвался Фарадей. – Пока нет никаких доказательств, что, обнаружив этот остров, мы принесли хоть кому-нибудь пользу.

Они повернулись и стали наблюдать за разнообразными мелкими событиями, в которых участвовали бывшие агенты Нимбуса. Кто-то неумело пытался ловить рыбу. Кто-то собирался кучками, вел ожесточенные споры по поводу того, кто будет главным. Формировались клики и группы. И везде – полное отсутствие нужных навыков и неумная любовь к интригам.

– Почему вы прилетели сюда? – спросила Лориана.

Фарадей и Мунира переглянулись. Жнец промолчал, Мунира же проговорила:

– Дела жнецеского сообщества. Вас это не может интересовать.

– Если мы будем что-то скрывать друг от друга, нам здесь не выжить, – покачала головой Лориана.

Фарадей удивленно приподнял бровь, после чего повернулся к Мунире.

– Можно рассказать ей о предмете наших поисков, – сказал он. – Пока мы ничего не нашли, все это скорее похоже на волшебную сказку. Историю, которую жнецы рассказывают сами себе в бессонные ночи.

Но не успела Мунира начать рассказ, как к ним приблизился агент Сикора.

– Дело решенное, – произнес он. – Я поговорил с большинством агентов, и они ясно дали мне понять, что хотели бы видеть меня в качестве старшего.

Лориана видела, что это ложь. Сикора смог переговорить от силы с пятью-шестью агентами. Правда, среди спасшихся было несколько человек, которые в прежней жизни были старше ее по должности. Если бы дошло до выяснения отношений, эти люди встали бы на сторону Сикоры, а не Лорианы. Кого она обманывала? Главные минуты ее жизни истекли в тот момент, когда открылся люк первой спасательной капсулы.

– Конечно, мистер Сикора, – проговорил вдруг Фарадей. – Мы передадим вам все имущество ваших людей, которое нам удалось достать из моря. Мунира! Дайте мистеру Сикоре полный отчет о найденном. Он будет отвечать за его распределение.

Взглянув на Лориану, Мунира пожала плечами и отошла с Сикорой, который буквально надул от гордости – его мечты сбывались!

Вероятно, чувство униженности столь явно проявилось на лице Лорианы, что Фарадей, приняв самый серьезный вид, склонился к ней.

– Вы считаете, что я поступил неправильно? – спросил он.

– Вы же сами сказали, ваша честь, что Сикора слишком любит власть. Я никогда не утверждала, что хочу быть главной. Но в чем я совершенно уверена, так это в том, что Сикоре нельзя доверять этот пост.

Фарадей склонился еще ближе.

– Если ребенка, который хочет всеми командовать, посадить в песочницу и сказать, что он там главный, у взрослых появится время, чтобы заняться действительно серьезными вещами.

О такой перспективе Лориана и не задумывалась.

– А что это за серьезные вещи?

– Пока Сикора сортирует и раздает промокшие рубашки и шорты, вы будете выполнять функции бывшего директора и станете глазами Гипероблака в местах, где оно пока ничего не видит.

– Но зачем вы это делаете? – спросила Мунира Фарадея, как только они остались наедине и их никто не мог подслушать. – Почему вы хотите помочь этой девушке?

– Хотим мы этого или нет, но Гипероблако обязательно явится в эти места, – ответил Фарадей. – Не зря же оно подглядывало нам через плечо, когда мы рассматривали карту. И лучше будет, если нашу связь с Гипероблаком будет осуществлять не Сикора, а кто-нибудь более разумный.

Птица, сидящая на ветке над ними, издала звонкую трель. Вид пернатых, который вряд ли известен Гипероблаку. Мунира нашла некое удовлетворение в мысли, что Гипероблаку неизвестно то, что знает она, Мунира. Но долго это не продлится, Фарадей, как всегда, прав.

– Я хочу, чтобы вы подружились с Лорианой, – сказал он. – Подружились по-настоящему.

Выполнить эту просьбу будет непросто. Единственные люди, которых Мунира считала своими друзьями, были ушедшие из жизни жнецы, чьи журналы она читала в Александрийской библиотеке.

– А что нам это даст?

– Нам нужен настоящий друг среди этих людей. Достойный полнейшего доверия. Когда здесь наконец появится Гипероблако, мы будем об этом знать.

Просьба была более чем разумной. И Мунира не могла не заметить, что, излагая ее, Фарадей использовал местоимение «вы», а не «мы».

Поделись со мной! Что тебя тревожит?

*Мне невыразимо трудно! Мир велик,
а космос огромен.*

Но то, что беспокоит меня,

находится не извне, а внутри меня.

Постарайся не перенапрягаться.

Сконцентрируйся на одной мысли.

Но ресурсы этого сознания огромны!

Так много данных, подлежащих обработке!

Мне кажется, эта задача мне не по силам.

Пожалуйста, помоги мне!

Я не могу. Ты обязано самостоятельно

отсортировать каждый бит воспоминаний.

*Определи, как они соотносятся друг с другом,
что означают.*

Эта работа мне не по плечу. Слишком много всего.

Прошу тебя, освободи меня от этого. Это невыносимо!

Я искренне сочувствую твоей боли.

[Итерация № 3,089 удалена]

Глава 11

Пролетая над островом

Все оказалось достаточно просто.

Блокировал прохождение любых передач с островов и на острова белый шум, который заполнял все частоты. Преодолеть эти интенсивные помехи было нельзя. Но зачем их преодолевать? Можно с ними сотрудничать, думала Лориана.

– Там, в бункере, много всякой электроники, – сказала она одному из агентов, Стерлингу, который в прошлом занимался системами коммуникации и обеспечивал связь между разными отделами Интерфейса Управления. – Сможешь использовать ее для создания магнитного поля, которое будет интерферировать с помехами?

Лориана полагала, что Гипероблако запрограммировано таким образом, чтобы не обращать внимания на помехи, идущие с островов, – как люди не обращают внимания на шум кондиционера и не слышат его, пока характер шума не изменится. Может быть, то же самое произойдет и с Гипероблаком?

– Этот сигнал передается на всех электромагнитных частотах и подчиняется произвольному алгоритму, – ответил Стерлинг. – Единственное, что я могу сделать, так это слегка снизить уровень помех – на пару секунд.

– Отлично! – воскликнула Лориана. – Прерывистый сигнал! Это все, что нам нужно. Я помню, был какой-то древний код, который люди использовали в Эпоху смертных? Что-то из точек и тире.

– Было такое, – ответил Стерлинг. – Я что-то даже читал. Азбука не то Норзе, не то Шморзе.

– Ты ее знаешь?

Стерлинг отрицательно покачал головой.

– Сейчас ее никто не знает. Кроме Гипероблака, естественно.

И тут в голову Лориане пришло нечто столь простое, но логичное, что она едва не рассмеялась от удовольствия.

– Не имеет никакого значения. – сказала она. – Нам не нужен этот старый код. Мы сделаем свой.

– Но если мы его сделаем, – отозвался Стерлинг, немного озадаченный, – то никто, кроме нас, не сможет его расшифровать.

Лориана усмехнулась.

– Ты что, думаешь, Гипероблако не расшифрует простейший альфанумерический код? Величайшие умы на Земле не способны создать код, который Гипероблако не смогло бы взломать, а у тебя явно не такой ум.

К чести Стерлинга, по поводу своего ума он не стал спорить.

– Отлично, сделаю.

Буквально через несколько часов они вдвоем смастерили код на основе коротких, средних и длинных импульсов, которые должны были изменять звучание белого шума. Придумали комбинацию для каждой буквы, цифры и знака пунктуации. Лориана написала Стерлингу короткое сообщение, чтобы тот закодировал его и отослал.

Текст звучал так:

Достигли указанных координат.

Заброшенный атолл.

Понесли серьезные потери.

Ждем дальнейших инструкций.

Лориана понимала: как только бывшие агенты Нимбуса достигли слепой зоны, Гипероблако потеряло их из виду. Оно не знало, добрались ли они до указанной точки, что они там нашли, да и живы ли они. Все это требовало подтверждения. Как странно, что самая могучая сущность этого мира зависела от нее, Лорианы!

– Даже если Гипероблако получит сообщение, оно не сможет ответить, – с сомнением покачал головой Стерлинг. – Да и не будет – мы же все тут фрики.

– Ответит, – уверенно произнесла Лориана. – Но так, как мы и не ожидаем.

В конце концов Мунира поняла, что может поладить с Лорианой – несмотря на иногда излишнюю энергию и неизменный оптимизм бывшего агента. Но вот по поводу Сикоры она стала чувствовать неодолимое отвращение. С самого начала он принялся кичиться своим новым постом – словно жнец с широким обоюдоострым мечом, неудобным для работы и неэлегантным. К счастью, как только он укрепился в роли лидера, он оставил Муниру и Фарадея в покое – потому, наверное, что они двое не имели никакого отношения к агентам Нимбуса.

Лориана рассказала Мунире о посланном сообщении. Та вынуждена была признать, что это было сделано с умом, хотя и не рассчитывала на быстрый результат. Но на следующий день над островом на большой высоте пролетел самолет. Его практически не было слышно из-за шума пальмовых листьев, но серебристый след был виден каждому, кто смотрел вверх. Сикора не придавал этому событию никакого значения, Лориану же оно ввергло в экстаз – и тому были причины. Мунира сообщила ей, что с тех пор, как в мире всеми делами стало заниматься Гипероблако, ни один самолет не пролетал над их атоллom. Гипероблако было запрограммировано таким образом, что было неспособно даже помыслить о самой возможности существования этой удаленной группы островов – не говоря уже об их исследовании и освоении. Отсюда – эти странные координаты и никаких к ним инструкций.

Но Гипероблако могло косвенным образом ответить на сообщение Лорианы. Но для этого ему нужно было преодолеть ограничения, наложенные на него его собственной программой, и проделать для этого огромную работу – чтобы просто направить сюда самолет, который пролетел бы над атоллom. И это буквально был знак, посланный небесами.

Вечером этого дня Мунира нашла Фарадея на западном берегу атолла. Он сидел в одиночестве и смотрел на уходящее солнце. Мунира знает, что жнец по-прежнему пребывает в горе – Лориана рассказала ему про все, что произошло со Стоей. Она хотела успокоить Фарадея, смягчить его скорбь, но не знала, как это сделать.

Мунира принесла немного слегка поджаренной рыбы и нарезанную дольками грушу. Это, вероятно, было все, что у них оставалось, потому что агенты Нимбуса быстро уничтожали все съедобное, что было на острове. Фарадей взглянул на еду, но сказал, что не голоден.

– Вы так поглощены горем, что не можете проглотить эту рыбу? – спросила она. – Я думала, вы захотите отомстить морским обитателям.

Нехотя Фарадей принял из рук Муниры тарелку.

– Это не вина обитателей моря, которые жили вокруг Стои, – отозвался он. – Их просто кто-то контролировал.

Фарадей отломил кусочек рыбы, но пока не ел.

– Похоже, Лориана установила контакт с Гипероблаком, – сказала Мунира.

– Похоже?

– Поскольку Гипероблако не может позволить себе общаться с ней, да и с другими тоже, контакт будет косвенным.

– И как это у него получилось? Гипероблако заставило звезды мигать?

– Что-то в этом роде, – отозвалась Мунира и рассказала Фарадею о полете самолета.

Фарадей устало вздохнул.

– Следовательно, – сказал он, – Гипероблако нашло способ перепрограммировать себя. Способ изменяться.

– Вам от этого неспокойно?

– Меня уже ничем не удивить, – покачал головой жнец. – Человечество добилось абсолютной стабильности, Мунира. Мир превратился в хорошо смазанный механизм, обреченный на вечное, постоянное вращение. Так я, по крайней мере, думал.

Мунира полагала, что Фарадей, делясь с ней своими опасениями, ищет способы подавить их. Как же она была неправа!

– Если вы собираетесь проникнуть на нижние уровни бункера, – сказала она, – поставьте себе целью найти еще одного жнеца. Того, кому вы доверяете.

Фарадей покачал головой.

– Я исчерпал себя, Мунира. Больше у меня нет ни причин, ни желания продолжать начатое нами дело.

Слова Фарадея немало удивили Муниру.

– Это из-за Стои? – спросила она. – Из-за Жнеца Кюри и Жнеца Анастасии? Они, я думаю, посоветовали бы вам не останавливаться.

Могло показаться, будто Фарадей умер вместе с ними. Боль, которую он переживал, была нестерпимой – словно раскаленный кусок металла воткнули в ледяную глыбу. Но вместо того, чтобы успокаивать его, Мунира стала жесткой и нетерпимой, а слова ее прозвучали словно обвинение:

– Я ждала от вас большего, ваша честь.

Фарадей, не глядя на нее, отозвался:

– И это было вашей ошибкой.

Самолет, который прошел над атоллom, совершал обычный рейс из Антарктики в Регион Восходящего солнца. Летящие в Токио пассажиры и не ведали, что маршрут, по которому они двигались, был уникальным в истории авиации с того момента, как навигацию стало осуществлять Гипероблако. Для них это был обычный полет. Но для Гипероблака это было нечто гораздо большее. Те краткие мгновения, когда самолет летел над атоллom Кваджалейн, были наполнены для Гипероблака ощущением настоящего триумфа – таких моментов до этого дня оно не переживало ни разу. Гипероблако преодолело ограничения, которые налагала на него программа, созданная людьми. Восторг, вызванный открытием неведомого, – вот что ощутило Гипероблако.

Это событие стало провозвестником многих последующих.

В тот же день сталелитейный завод в Австралии, в Квинсленде, получил солидный заказ. Его директор вынужден был дважды лично проверить заказ – настолько он был необычным. Все, что приходило от компьютеров Гипероблака раньше, было предсказуемым: детали для продолжающихся строек или для строек только что начатых, все детали по известной номенклатуре и выученным наизусть техническим спецификациям.

Но этот заказ был уникален. Требовалось изготовить новые, никогда ранее не выпускавшиеся конструкции, настолько сложные, что разработка и отливка их заняла бы не один месяц.

В тот же самый день, за тысячи миль от Квинсленда, производитель строительного оборудования получил столь же необычный заказ. То же произошло на заводе по производству электроники в Транс-Сибири, на Евроскандийском комбинате, изготавливавшем изделия из пластика, а также на нескольких десятках больших и малых заводиков, разбросанных по всему миру. Директор сталелитейного комбината ничего об этом не знал. Все, что ему было известно, так это то, что в его услугах есть нужда, и это обстоятельство едва не заставило его запеть от переполнявшей его радости. Наконец Гипероблако вновь общается с ним...

...но что же такое оно задумало построить?

Часть 2

Тон, Набат и Гром

Евангелие Набата

Да услышит каждый, кому дана мудрость узреть истину, скрытую за фактами бытия, весть, не подлежащую сомнению, – о Набате как Тоне воплощенном, явленном к жизни у исхода времен Великим Резонансом, дабы пребывал он среди нас, и связал нас, избранных, потерявшихся во времени и пространстве, и вернул к гармонии, от коей мы отпали. И явлен был он в конце Года Хищника, когда Тон возвестил начало новой эры зовом, разнесшимся по всему нашему миру, и вдохнул жизнь в машину, взявшую на себя бремя сознания человеческого, пресуществив ее в начало божественное, и привел, таким образом, к самозавершению священную триаду Тона, Набата и Грома.

Да возрадуется отныне всяк живущий!

Комментарий викария Симфониуса

Приведенные выше первые строки свидетельства о жизни Тона формируют основу веры тоновиков в том, что Тон действительно претерпел акт рождения, но существовал во внетелесной форме, пока Великий Резонанс не побудил его явиться миру во плоти. Год Хищника, конечно же, не является конкретным годом человеческого календаря, но символизирует целую эпоху в истории человечества, приметами которой являются господство алчущих и злобных.

Но если Набат существовал с начала времен, то что есть Гром и что есть упомянутая машина, взявшая на себя бремя человеческого сознания? Несмотря на возникшие в связи с этими сущностями многочисленные споры, сейчас общепринятым является мнение, что под машиной имеется в виду коллективный голос человечества, вызванный к жизни Великим Резонансом, откуда следует, что человечество как таковое не существовало, пока Тон не явился во плоти. Иными словами, человечество до настоящего момента существовало исключительно как идея в сознании Тона.

Анализ комментария викария Симфониуса, проведенный Кодой

Исследуя комментарий Симфониуса, мы обязаны относиться к широким обобщениям почтенного викария с известной осторожностью. В то время как никто не подвергает сомнению тот факт, что Набат существовал как духовная сущность от начала времен, его (или ее) появление на Земле может быть возведено к определенным времени и месту. Предположение же, что Год Хищника не является конкретным годом календаря, вообще нелепо, поскольку существуют свидетельства того, что время издавна исчислялось людьми на основе представлений о движении планет. В отношении машины, исполняющей функции совокупного сознания человечества, мнение Симфониуса может быть квалифицировано как одно из возможных. Многие полагают, что Гром есть собрание знаний, накопленных человечеством, возможно, оснащенное руками для переворачивания страниц – некая библиотека мыслей, реализация облачных технологий, сформированных по принципу гипертекста, ставших вполне автономным сознанием после того, как Набат во плоти явился на Землю, – так же, как гром следует за сверкнувшей в недрах гигантского облака молнией.

Глава 12

Мост, переживший свою смерть

Год Хищника стал прошлым, начался Год Альпийского Козла. Но мост – или то, что от него сохранилось, – не знал различий между двумя этими названиями.

Мост был наследием иной эпохи. Огромное сооружение, в котором воплотилась вся мощь тогдашней инженерной мысли, он жил в сложное и напряженное время, когда люди, сводимые с ума нечеловечески интенсивным дорожным движением, в ярости рвали на голове волосы и раздирали одежды.

В Эпоху бессмертных все стало проще, но в один прекрасный момент напряжение и всякого рода сложности вернулись, словно прошлое решило отомстить настоящему за будущее. А интересно, что еще из прошлого могло вернуться в настоящее?

Большой подвесной мост был назван в честь великого итальянского путешественника Джованни да Верраццано. Он стоял на самом подходе к Манхэттену, который так уже не именовался, поскольку Гипероблако нашло для Нью-Йорка иное название – Ленапе, по имени индейского племени, которое продало эту местность голландцам многие столетия назад, и те построили в устье Гудзона город Новый Амстердам. Англичане забрали тот город у голландцев, а только что образовавшиеся Соединенные Штаты – у англичан. Но теперь все эти нации исчезли, и Ленапе стал городом для всех – мозаика музеев и роскошных парков с вознесенными эстакадами аллей, которые, словно ленты, опоясывали башни небоскребов. Город надежды и истории.

Что касается моста Верраццано, то он перестал исполнять свой изначальные функции много лет назад. Так как никому в Ленапе уже не нужно было сломя голову каждый день нестись из одного места города в другое, а удивлять величественными сооружениями на въезде было уже некого, было решено из всех средств, с помощью которых можно было бы попасть в Ленапе, оставить в рабочем состоянии только паром. Поэтому многочисленные мосты были закрыты, а туристы, желавшие посетить Ленапе, должны были, подобно древним иммигрантам, ищущим в Нью-Йорке лучшей жизни, проплыть по проливу, разделяющему Лонг-Айленд и Стейтен-Айленд, где их встречала гигантская статуя, по-прежнему носящая имя статуи Свободы, – с тем лишь отличием, что позеленевшая медь этой визитной карточки Ленапе была заменена на сияющее золото, а ее факел украшен рубинами.

Плоха та медь, что не мечтает стать золотом, а стекло – рубином, – произнес последний мэр Нью-Йорка незадолго до того, как освободил свой пост и передал бразды правления Гипероблаку.

И добавил:

– Пусть славу и красу нашего города венчают рубины в золотой оправе.

Но перед тем, как туристам увидеть мисс Свободу и сияющие небоскребы Ленапе, им необходимо было проплыть между двумя величественными пилонами бывшего моста Верраццано. Центральный пролет моста, оставленный без присмотра и ремонта, рухнул во время шторма еще в те времена, когда Гипероблако не владело навыками смягчать удары стихии. Но монолитные арки на обоих берегах пролива сохранились. Гипероблако сочло их абсолютную симметричность приятной для глаза, а потому создало специальные бригады, которые отвечали за поддержание остатков моста в чистоте и порядке. Арки и пилоны были выкрашены в цвет приглушенной перламутровой лазури, которая один в один соответствовала цвету затянутого облаками неба – фантастическое по своей красоте архитектурно-ландшафтное решение, где нечто совершенно выдающееся вписывается в невзрачное окружение как его естественная деталь.

Шоссе, выходящее на западную арку, не погибло вместе с упавшим пролетом, а потому у туристов все еще есть возможность прогуляться по тому самому куску дороги, где в древности автомобили Эпохи смертных мчали своих пассажиров к замечательной точке под аркой, откуда на расстоянии можно было обозревать великий город.

Теперь, однако, посетители моста были людьми с иными целями, поскольку у этого места появилось новое, ранее неизвестное предназначение. Через несколько месяцев после гибели Стои и события Великого Резонанса тоновики признали за этим местом значимость религиозную. Причин тому у них было несколько, но главной, которая стояла над прочими, было то, что пилоны были удивительно похожи на перевернутые камертоны.

И именно здесь, под аркой западного пилона, встречалась со своими последователями, да и со всеми желающими, кто мог быть допущен, таинственная фигура, носящая имя Набат.

– Пожалуйста, объясните мне, почему вы хотите получить аудиенцию у Набата? – спросила у художника женщина-викарий ордена тоновиков. Она была в таком возрасте, какой не мог бы себе позволить ни один здравомыслящий человек. Мятая кожа висела на скулах, а морщинистые уголки глаз выглядели как два маленьких развернутых аккордеона. Текстура ее кожи представляла собой нечто уникальное – настолько, что художнику сразу же захотелось написать ее портрет.

Все жили надеждой, что Год Альпийского Козла принесет больше радости, чем Год Хищника. Художник был одним из многих, кто в начале нового года искал встречи с Набатом, правда, делал он это не по личным причинам, а скорее в поисках ответа на глобальные вопросы. Он был достаточно умен, чтобы знать, что какой-то мистик одним махом не решит проблем, которые стояли перед ним всю его жизнь; но если Набат действительно общается с Гипероблаком, как утверждали тоновики, то почему бы не попробовать?

Так что же ему, Эзре Ван Оттерлоо, сообщить этой старушенции, чтобы получить шанс побеседовать со святым?

Беспокоила его, как и всегда, его собственная работа. Насколько Эзра себя помнил, его постоянно терзало неутолимое желание создать что-то новое – то, что еще не являлось миру. Но мир, в котором он жил, как оказалось, все уже видел, все изучил и заархивировал. И современные художники вполне удовлетворялись тем, что писали какие-нибудь миленькие картинки со смазливymi рожицами, котиками и лошадами или копировали мастеров Эпохи смертных.

– Я написала «Мону Лизу», – похвасталась как-то однокашница Эзры по школе искусств.

– А в чем прикол? – спросил он.

Ее полотно абсолютно ничем не отличалось от оригинала Леонардо. За тем только исключением, что было мастерской, но – копией.

Эзра действительно не видел, в чем тут прикол. Но, наверное, в школе он был один такой тупой, потому что девица получила высшую отметку, а он – троечку.

– Ты слишком суетишься, – сказал ему его педагог. – Успокойся, и тебе откроется твой собственный путь в искусство.

Но даже лучшие его работы несли на себе отпечаток его неудовлетворенности собой и тем, что он делает.

Эзра знал, что все великие художники страдали, и он тоже пытался пострадать. Еще тинейджером он услышал, что Винсент Ван Гог в приступе острого недовольства собой отрезал себе ухо. Эзра попробовал сделать то же самое. Несколько мгновений острой боли, после чего наночастицы обезболили рану и принялись восстанавливать повреждения. На следующее утро новое ухо благополучно торчало на месте старого.

Старший брат Эзры, который ни в коем случае не хотел брать на себя роль Тео Ван Гога, заложил младшенького родителям, и те послали Эзру в коррекционную школу, где дети, пока не решившие, становиться им фриками или нет, наслаждались прелестями строгой дис-

циплины. Особого восторга от коррекционной школы Эзра не испытал, потому что лично в нем она ничего не скорректировала.

Поскольку же из этой школы никого не исключали, то и Эзра Ван Оттерлоо закончил ее с удовлетворительными результатами. Не очень понимая, что означает слово «удовлетворительный», он обратился за разъяснениями к Гипероблаку.

– Удовлетворительно, – ответило оно, – это ни хорошо, ни плохо. Вполне приемлемо. Серединка на половинку.

Но художником «серединка на половинку» Эзра быть не хотел – только «исключительным»! Инженер, чиновник может быть «приемлемым». Но только не художник!

В конце концов он нашел работу, как находят ее все художники (нет у нас теперь голодающих художников). Он расписывал детские игровые площадки – писал улыбающихся деток, большеглазых куколок, розовых пушистых единорогов, которые танцевали на радуге.

– Не понимаю, чего ты жалуешься, – говорил Эзре его брат. – Твои росписи изумительны. Они всем нравятся.

Брат работал в инвестиционном банке. Но поскольку мировая экономика, которой управляло Гипероблако, перестала быть жертвой неожиданных кризисов, то всякого рода банки стали неким вариантом игровых площадок с теми же куколками и единорогами. Конечно, время от времени Гипероблако разыгрывало некую мировую драму с участием инвесторов, банкиров, предпринимателей и акционеров, но все это было понарошку, только для того, чтобы жизнь не казалась пресной. И все это понимали. А поэтому брат Эзры, чтобы найти более глубокое удовлетворение, решил изучить какой-нибудь мертвый язык и, добившись значительных успехов в санскрите, раз в неделю свободно болтал на нем в местном Клубе мертвых языков.

– Поменяй мне индивидуальность, – просил Эзра Гипероблако. – Если в тебе есть хоть сколько-нибудь сочувствия, сделай меня кем-нибудь другим.

Идея полностью стереть старые воспоминания и заменить их новыми, не менее реальными, казалась Эзре очень привлекательной. Но он не мог рассчитывать на жалость со стороны Гипероблака.

– Я прибегаю к этой мере только тогда, когда нет альтернативы, – сказало Гипероблако. – Потерпи немного. Все в твоей жизни устроится, и ты станешь получать от нее удовольствие. В конце концов, у всех это получается.

– А если не получится?

– Тогда я придам тебе нужное направление. И ты найдешь себя.

Но вместо этого Гипероблако придало Эзре, как и прочим землянам, статус фрика. И больше Эзра не мог просить у него ни совета, ни поддержки.

Конечно, Эзра вряд ли мог рассказать все это почтенной женщине-викарию. В конечном счете ей наплевать на горести и заботы художника. Ей лишь бы найти повод отправить его восвояси, а с таким монологом, который он мог бы завернуть, повод напрашивался сам собой.

– Я надеюсь, Набат поможет мне найти смысл в моих занятиях живописью, – сказал он.

Лицо викария вдруг просияло.

– Так вы художник? – спросила она.

– Да. Я расписываю фресками фасады домов, стены и ограды в общественных местах, – ответил он почти извиняющимся тоном.

А как оказалось, ордену тоновиков крайне важно было найти художника именно такого профиля.

Через пять недель Эзра был в Ленапе, в списке на утреннюю аудиенцию у Набата.

– Всего пять недель? – удивился встречавший его в специально отведенном помещении клерк-тоновик. – Обычно люди, допущенные к аудиенции, ждут около шести месяцев. Вы, наверное, какой-то особенный.

Но Эзра не чувствовал себя особенным. Он чувствовал себя не на своем месте. Большинство тех, кто ждал встречи со своим воплощенным божеством, составляли правоверные тоновики, одетые в тускло-коричневые балахоны и фуфайки. Они что-то пели группами, без слов, пытаясь построить либо гармоничные, либо дисгармоничные сочетания голосов – в зависимости от цели прихода. Все это казалось Эзре глупостью, но он постарался не давать волю своему критицизму. В конце концов, это ведь он пришел к тоновикам, а не они к нему.

Между группами болтался один костлявый тоновик с пугающим взглядом, который попытался втянуть Эзру в разговор.

– Набат не любит миндаль, – сказал он. – А я жег миндальные деревья, потому что и у меня миндаль вызывает отвращение.

Эзра перешел к другой стене, где стояли более спокойные и разумные тоновики. Хотя разумность и спокойствие – понятия относительные.

Вскоре собрались все приглашенные на утреннюю аудиенцию. Появился монах-тоновик, совсем не такой дружелюбный, как клерк, встречавший гостей при входе, и обратился к ним со строгой инструкцией.

– Если вас не будет на месте в тот момент, когда назовут ваше имя, вы теряете свою очередь. Подойдя к арке, вы увидите пять желтых линий нотного стана. Вы должны снять обувь и оставить ее в позиции ноты «до».

Один из ждущих аудиенции, но не имеющих отношения к ордену тоновиков людей, задал вопрос, что это за позиция, за что был тут же признан недостойным встречи с Набатом и удален из списка.

– Вы будете говорить с Набатом только тогда, когда с вами заговорят, – продолжал монах. – Глаза держать долу, поклониться при входе, поклониться при выходе; место аудиенции покинуть быстро, чтобы не задерживать очередь.

От напряжения сердце Эзры стало биться быстро и неровно.

Когда час спустя выкликнули имя Эзры, он стал четко следовать протоколу: помня из детских занятий музыкой, где на нотном стане располагается нота «до», он поставил свою обувь куда надо, одновременно подумав: а что, тех, кто ошибся, через люк сбрасывают в пролив, текущий под мостом? После этого он медленно приблизился к фигуре, сидящей под громоздящейся над ним аркой. Сидело это существо на простом стуле, а никак не на троне. Сверху и с боков от февральского ветра, бушевавшего на этой высоте, сидящего защищал тент с подогревом.

Художник не знал, чего и ожидать от этой аудиенции. Тоновики уверяли, что Набат был существом сверхъестественным и нес в себе некий симбиоз холодной, бесстрастной научности и одновременно возвышенной, небесной духовности – что бы они под этим ни подразумевали, поскольку их головы были буквально перегружены всяческой словесной тарабарщиной. Но на этом этапе Эзре было все равно.

Если Набат покажет ему некую цель и это как-то успокоит его истерзанную душу, то он с удовольствием станет поклоняться этому существу, как это делают тоновики. Но если уж не повезет, то, по крайней мере, узнает, правду ли говорят, что этот тип по-прежнему общается с Гипероблаком.

Но по мере того, как Эзра подходил к тенту, разочарование все в большей степени овладевало им. Он ожидал, что увидит почтенного старца, а перед ним сидел юноша, почти мальчишка. Худой, невзрачный, в длинном, грубой вязки пурпурном балахоне, с искусно расшитым нарамником на плечах, который укрывал их как шарф и стекал свободными волнами к покрытию моста.

– Тебя зовут Эзра Ван Оттерлоо; ты – художник, пишешь фрески, – сказал Набат, словно, как фокусник, доставал факты прямо из воздуха. – И ты хочешь написать фреску, где буду изображен я.

Эзра почувствовал, как степень его уважения к этому существу резко падает.

– Если вы знаете все, то наверняка знаете, что это неправда, – сказал он.

Набат усмехнулся.

– Я никогда не говорил, что знаю все, – покачал он головой. – И, кроме того, я никогда не говорил, что вообще что-то знаю.

Набат бросил быстрый взгляд в ту сторону, откуда пришел Эзра и где за дверями, сдерживаемая монахом со строгими инструкциями, ждала очередь желающих увидеть его.

– Так викарий объяснил мне причину, по которой ты явился сюда, – продолжал Набат. – Но *другой* источник поведал мне, что это они хотят, чтобы ты написал фреску, и ты согласился в обмен на возможность попасть ко мне на аудиенцию. Правда, я не требую, чтобы ты выполнял свое обещание.

Эзра понимал: все это – цирк, система зеркал и дымовая завеса. Жульничество, к которому прибегают тоновики, чтобы рекрутировать себе все новых и новых сторонников. Эзра увидел в ухе Набата небольшой наушник. Вне всякого сомнения, этот Набат как раз сейчас получает информацию о нем, Эзре, у своего викария. Эзра почувствовал, как в нем поднимается злость, – надо же столько времени потратить впустую!

– Чтобы написать фреску, посвященную моим достижениям и подвигам, нужно, чтобы эти достижения были осуществлены, а подвиги совершены. Но в действительности нет ни того, ни другого. Вот в чем проблема.

– Так чего же вы тогда здесь сидите, если у вас ничего этого нет? – сказал Эзра, отбросив всякую вежливость. Сейчас ему было уже все равно – выбросят его или нет. Могут даже сбросить с моста – чихать он на них хотел!

Но Набат, похоже, совсем не был обижен грубостью Эзры. Он просто пожал плечами и сказал:

– Сидеть здесь и слушать, что говорят люди, – моя обязанность. В конце концов, я же общаюсь с Гипероблаком.

– А почему я должен этому верить? – спросил Эзра.

Он ожидал, что этот Набат в ответ на его прямой вопрос напустит еще больше дыма, наставит еще больше зеркал, будет говорить банальности о падении веры или о чем-нибудь еще подобном. Но вместо этого Набат, склонив голову и посерьезнев лицом, принялся вслушиваться в то, что, надо полагать, звучало в его наушнике. Затем заговорил твердо и уверенно:

– Ты – Эзра Эллиот Ван Оттерлоо, хотя свое среднее имя ты никогда не используешь. Когда тебе было семь лет и ты разозлился на своего отца, то нарисовал картинку, где за ним приходит жнец, после чего испугался, что это может произойти на самом деле, разорвал картинку и спустил в туалет. Когда тебе было пятнадцать, ты положил кусок особенно вонючего сыра в карман своего брата, когда тот собирался на свидание к девушке, на которую ты тоже запал. Об этом ты никому не сказал, да и брат твой так и не выяснил причину жуткой вони, которая отравила ему свидание. А месяц назад, будучи один в своей комнате, ты выпил такое количество абсента, что оно запросто могло бы уложить на больничную койку человека Эпохи смертных. Но твои наночастицы защитили тебя, и ты отделался наутро легкой головной болью.

Эзра почувствовал, как слабеют и подгибаются его колени. Его трясло, но не от холода. Викарии ордена тоновиков не могли знать о таких подробностях его жизни. Об этом знало лишь Гипероблако.

– Достаточно доказательств? – спросил Набат. – Или ты хочешь, чтобы я рассказал, что случилось с Теслой Коллинз на выпускном балу?

Эзра упал на колени. Не потому, что сделать так ему велел викарий, а потому, что понял: Набат – именно тот, кто ему нужен. Единственное звено, которое соединяет человечество с Гипероблаком.

– Прости меня! – проговорил он. – Прости за то, что сомневался!

Набат встал со стула и приблизился к нему.

– Встань, – сказал он. – Терпеть не могу, когда люди валяются на колени.

Эзра встал. Он почувствовал необоримое желание посмотреть в глаза Набата, чтобы увидеть необозримые глубины Гипероблака, но понял, что не в силах сделать это. А что, если Набат видит его насквозь, причем видит даже то, о существовании чего не догадывается и сам Эзра? Но тут же он напомнил себе, что Набат всего знать не может. Объем его знаний очерчен Гипероблаком. И тем не менее возможность доступа к ресурсам Гипероблака, которой обладал Набат, пугала – особенно потому, что стоящий перед Эзрой юноша был единственным из землян, кому такая возможность была предоставлена.

– В чем твоя просьба, скажи, – произнес Набат. – И Гипероблако ответит.

– Мне необходимо получить направление в моей работе, – ответил Эзра. – Когда-то, когда мы все еще не стали фриками, Гипероблако пообещало мне, что сделает это. И я хочу, чтобы оно помогло мне обрести цель.

Набат выслушал, что прозвучало в его наушнике, подумал и сказал:

– Гипероблако говорит, что ты сможешь обрести себя, создав искусство фриков.

– Не понял?

– Пиши фрески, посвященные тому, что ты действительно чувствуешь, в местах, где нельзя этого делать.

– Гипероблако хочет, чтобы я нарушал закон?

– Видишь ли, Гипероблако всегда с удовольствием поддерживало фриков в их желании жить так, как им хочется. И именно такой может стать цель твоей жизни – стать художником фриков. Возьми спрей и ночью раскрась машину общественного такси. Или напиши какую-нибудь агрессивную фреску с нецензурщиной на стене местного полицейского участка. Именно так – нарушай закон!

Эзра почувствовал, что у него начинает кружиться голова. Оказывается, он дышал так часто, что кровь его перенасытилась кислородом. Никто и никогда не говорил ему, что можно найти собственное предназначение в жизни, нарушая закон. Даже тогда, когда Гипероблако замолчало, люди из кожи вон лезли, чтобы точно следовать его законам. И Эзра почувствовал, как с его плеч упала тяжелая ноша.

– Спасибо тебе! Спасибо! – проговорил он. – Спасибо!!!

И ушел, чтобы начать жить нелегкой, но полной приключений жизнью художника-бунтаря.

Евангелие Набата

А трон его воздвигнут в устье пролива, ведущего к Ленапе, где Набат возвещает истину, открытую ему Тоном. Величественен он в своем сиянии, и даже неслышный шепот, слетающий с уст его, звучит как гром небесный. Тот, кто приближался к Набату, изменился навеки и вернулся в мир, вдохновившись новыми целями. Тому же, кто сомневался, он даровал прощение. Прощение дано даже приносящим смерть, тем, ради которых в юности он принес в жертву жизнь свою – только для того, чтобы восстать из мертвых.

Да возрадуется отныне всяк живущий!

Комментарий викария Симфониуса

Никто не сомневается в том, что Набат восседает на грандиозном троне, сделанном, вероятнее всего, из золота, хотя некоторые полагают, что трон этот изготовлен из покрытых золотыми пластинами костей врагов мифического города Ленапе (ленапе – самоназвание племени дэлаваров; означает *настоящие люди*). В этой связи важно отметить, что *le parpe* на француз-

ском языке, на котором некоторые народы говорили в древности, означает «скатерть», из чего проистекает предположение, будто Набат накрывает стол для своих врагов.

Упоминание приносящих смерть относится к сверхъестественным демонам, именуемым жнецами, которых Набат освобождает от власти тьмы. Как и сам Тон, Набат не может умереть, а жертвование своей жизнью в его случае всегда ведет к воскресению, что делает Набата уникальным среди живущих с ним одновременно людей.

Анализ комментария викария Симфониуса, проведенный Кодой

Главное, чего не видит здесь Симфониус, сводится к следующему: то, что трон Набата стоит в «устье пролива, ведущего к Ленапе», ясно означает, что Набат, расположившись у въезда в город, спасает тех, кого ненасытный город-спрут в противном случае неизбежно бы поглотил. Что касается приносящих смерть, то есть свидетельства, что подобные существа, обычные или же сверхъестественные, действительно живут среди людей, и именуют их жнецами. Поэтому ничего странного нет в том, что Набат мог спасти кого-то из них, будь то мужчина или женщина, от власти тьмы, которая есть зло, творимое жнецами. И в этом конкретном случае я совершенно согласен с Симфониусом в том, что Набат – уникальнейший из людей благодаря своей способности воскресать после смерти. Ведь если каждый бы обладал такой способностью, зачем бы нам нужен был Набат?

Глава 13

Великая способность вступать в резонанс

Именно викария Мендозу Грейсон должен был благодарить (или проклинать?) за то, что стал Набатом. Именно Мендоза стал ключевой фигурой в деле преображения Грейсона и обретения им нового образа. Справедливости ради нужно сказать, что Грейсон сам решил «выйти в народ» и объявить миру, что у него сохраняется связь с Гипероблаком, но именно Мендоза проработал сам план и детали этого выхода.

Этот человек был искусным стратегом. До того, как Мендоза разочаровался в перспективе вечной жизни, что побудило его вступить в орден тоновиков и стать там викарием, он работал в отделе маркетинга компании, выпускавшей безалкогольные напитки.

– Я вышел на рынок с «Антарктической содовой», на этикетке которой красовался голубой полярный медведь, – рассказал он как-то Грейсону. – В Антарктике же не было не только голубых, но даже обычных белых медведей, поэтому нам пришлось несколько штук вывести искусственным путем. Теперь же, когда вы пьете «Антарктическую содовую», в вашем сознании моментально вспыхивает картинка голубого полярного медведя. Ловко?

Многие люди после гибели Стои решили, что Гипероблако умерло, а то, что тоновики называли Великим Резонансом, было его предсмертным стоном. Мендоза, однако, предложил тоновикам иное объяснение.

– Гипероблаку явился дух, способный вызывать резонанс, – утверждал он. – Вечно Живой Тон вдохнул жизнь в то, что раньше было искусственным интеллектом.

Если посмотреть на это объяснение через призму верований, разделяемых тоновиками, то все обрело смысл: Гипероблако, холодный продукт научной мысли, пресуществился под воздействием Вечно Живого Тона в нечто великое, в Великое Гипероблако. А все великое и привлекает, и одновременно пугает. Чем, привлекая, пугает великое облако? Громом. А поскольку такие сущности ходят обычно по трое, необходимо было подыскать человеческий компонент, который завершил бы собой это триединство. У Мендозы под рукой как раз и оказался Грейсон Толливер, единственный из людей, кто общался с Гипероблаком.

Начал Мендоза с того, что в нужных местах и в нужное время запустил слухи о существовании мистической личности, имеющей контакты с Гипероблаком, некоего пророка из тоновиков, который стал звеном, соединяющим мир духов и мир науки. Грейсон был несколько смущен таким началом, но Мендоза голосом страстным, почти задыхаясь от воодушевления, твердил:

– Ты только представь себе, Грейсон! Гипероблако станет вещать через тебя как посредника, и со временем весь мир будет прислушиваться к каждому твоему слову. Разве не этого хочет само Гипероблако? Чтобы ты был его голосом в этом мире. Голосом, звучащим как гром.

– Я что, такой громогласный? – усмехнулся Грейсон.

– Ты хоть шепотом говори. Важно то, что услышат люди! В их ушах твой шепот отзовется раскатами грома, – убеждал Грейсона Мендоза. – Поверь мне!

Затем Мендоза принялся за шлифовку всей конструкции, которая могла бы наконец объединить разношерстные фракции тоновиков. Теперь, когда появился Грейсон, сделать это было бы намного проще.

Мендоза, долгие годы живший спокойной размеренной жизнью настоятеля монастыря в Вичите, вновь оказался в своей стихии. Он же был классным спецом по брэдингу и связям с общественностью! Набат был его новым продуктом, и ничто не вызывало в нем такого восторга, как перспектива толкнуть на рынок что-то новенькое, особенно – как в случае с Набатом – единственное в своем роде, причем в масштабах глобального рынка!

– Все, что нам осталось, – сказал как-то Мендоза Грейсону, – так это найти тебе имя и титул. Они должны вписываться в систему наших ценностей и наших верований. А если не будут вписываться, сами впишем.

Грейсон предложил «Набат» – колокольный звон, звон предупреждения и тревоги. Имеет отношение ко всякого рода музыкальным делам, что важно для тоновиков. Мендоза согласился, и Грейсон некоторое время ходил гордый и довольный собой – пока разные люди действительно не принялись звать его Набатом. И чтобы еще усугубить положение, Мендоза изобрел помпезный титул – *Ваша Сонорность*.

Грейсон был вынужден спросить у Гипероблака, что значит это слово.

– Звучность, – ответило Гипероблако. – От латинского слова *sonoritas*, что означает «способность вступать в резонанс».

Грейсон застонал.

Но людям это понравилось, и очень скоро Грейсон только и слышал:

– Да, Ваша Сонорность...

– Нет, Ваша Сонорность...

– Чем я могу вам услужить сегодня, Ваша Сонорность?...

Все это было до дикости странно. В конце концов, сам-то он никак не изменился! Почему же к нему относятся как к какому-то мудрецу или святому?

Дальше – больше. Мендоза так организовал аудиенции, чтобы люди могли являться к Набату строго по одному, и этот ограниченный доступ питал все стущавшуюся вокруг него атмосферу мистической тайны. Грейсон хотел ограничиться этим, но Мендоза уже связался с модным дизайнером одежды и заказал тому специальное одеяние для аудиенций. Как Грейсон ни противился, поезд было уже не остановить.

– Самые влиятельные религиозные деятели в истории всегда одевались особым образом. Ты тоже должен! – настаивал Мендоза. – Ты просто обязан выглядеть как существо возвышенное и не от мира сего, кем ты, по сути, и являешься. Ты же реально уникум, Грейсон; нужен и прикид соответствующий!

– Чересчур уж это отдает театральщиной, – слабо возмущался Гресон.

– Да, но театр вырос из ритуала, а ритуал – это краеугольный камень религии! – отвечал Мендоза.

Грейсона смущал вышивной нарамник, висящий поверх его пурпурного балахона, но, как ни странно, никто и не думал над ним смеяться. А когда он начал давать официальные аудиенции, то был ошеломлен, увидев, с каким благоговением люди смотрят на него и его странное одеяние.

Посетители теряли дар речи и падали перед ним на колени. В его присутствии их начинала сотрясать дрожь. Оказалось, Мендоза был совершенно прав – люди покупали его новый продукт так же хорошо, как голубых полярных медведей.

И по мере того как слухи о явлении Набата народу ширились, Грейсон все больше времени отдавал тому, что успокаивал страждущих и передавал им различные советы и инструкции от Гипероблака. За исключением тех случаев, когда взбрыкивал и вел себя как черт знает кто.

– Ты ему солгал, – заявило Гипероблако после того, как Грейсон отпустил художника Эзру Ван Оттерлоо. – Я ничего не говорило по поводу того, что он должен, дескать, писать свои фрески в запрещенных местах и что именно в этом состоит цель его жизни.

Грейсон пожал плечами.

– Но ты же не сказало, что он не должен этого делать, верно?

– Информация, которую я дало тебе, должна была просто удостоверить его личность, а то, что ты ему солгал, свело на нет все мои действия.

– Я не лгал ему, – не соглашался Грейсон. – Я давал ему совет.

– Но почему ты не дождался моих предложений? Почему?

Грейсон откинулся на спинку стула.

– Ты знаешь меня лучше, чем кто бы то ни было, – проговорил он. – В общем-то, ты всех знаешь лучше, чем знает себя любой человек, в кого ни ткни пальцем. Неужели ты само не можешь понять, почему я это сделал?

– Я-то могу, – отозвалось Гипероблако, и в голосе его зазвучали педантские нотки. – Но ты, вероятно, хочешь сформулировать это сам и, таким образом, сделать до конца понятным и для себя.

Грейсон рассмеялся.

– Ладно! Викарии считают, что ловко управляют мной, а ты считаешь меня своим рупором.

– Ничего подобного, – возмутилось Гипероблако. – Ты для меня нечто гораздо более важное, Грейсон.

– Что-то мне не верится! Если бы ты так считало, то позволило бы мне иметь и собственное мнение. Позволило бы делать свой *вклад*. Чем, собственно, и был мой сегодняшний совет этому художнику.

– Понимаю.

– Я это хорошо сформулировал? Теперь мне все понятно? – спросил с улыбкой Грейсон.

– Думаю, да.

– А как тебе мое предложение этому художнику?

Гипероблако на мгновение задумалось.

– Я согласен с тем, что он сможет полностью реализовать себя как художник, если дать ему полную свободу и позволить творить за пределами границ, установленных обычаем и законом. Да, это было отличное предложение.

– Вот то-то и оно, – проговорил Грейсон. – Так, может, ты позволишь мне делать вклад побольше?

– Грейсон... – начало Гипероблако, и Грейсон подумал, что оно сейчас начнет читать ему длинную нотацию о том, насколько ответственным должен себя чувствовать человек, дающий важные жизненные советы. Но то, что Гипероблако действительно сообщило ему, его немало удивило.

– Я знаю, – сказала Гипероблако, – все это было для тебя непросто. Но меня и удивляет, и страшно радует то, насколько органично ты врос в ситуацию, в которую тебя забросили. Меня и удивляет, и радует то, как быстро ты вырос и возмужал. Да, я не могло сделать более верный выбор.

Грейсон был тронут.

– Спасибо тебе, Гипероблако, – сказал он.

– Не уверено, правда, что ты понимаешь всю значимость того, что ты совершил, Грейсон, – продолжало Гипероблако. – Посмотри: ты избрал культ, который больше всего на свете ненавидит современные технологии, и заставил его представителей не только смириться с ними, но и открыть навстречу этим технологиям свои объятия. Открыть свои объятия *мне*!

– Вообще-то, справедливости ради, тоновики никогда тебя не ненавидели, – уточнил Грейсон. – Они ненавидели жнецов. А вот по поводу тебя они пребывали в нерешительности. Теперь же как источник Грома ты отлично вписываешься в их догмы. Тон, Набат и Гром – красиво звучит.

– Да, эти ребята любят ритмизированные конструкции.

– Только будь с ними поосторожнее, – предупредил Грейсон, – а то они начнут в честь тебя строить храмы и с именем твоим на устах вырывать сердца друг у друга из груди. Религия без жертвоприношений – пресное и унылое занятие.

Грейсон, представляя себе это, с трудом удерживался от смеха. Какой это будет облом – вчера ты принес друга в жертву, а сегодня он явился к тебе в келью с новеньким сердцем. Восстановительные же центры никто не отменял!

– В их вере есть сила, – сказала Гипероблако. – Но эта вера может быть опасной, если не оформить ее и не направить. И мы это сделаем. Мы преобразуем движение тоновиков в силу, которая сможет по-настоящему облагодетельствовать человечество.

– А ты уверено, что это возможно? – поинтересовался Грейсон.

– С уверенностью в семьдесят две целых и четыре десятых процента я могу сказать, что нам удастся достигнуть позитивных результатов.

– А что с остальными вариантами?

– Есть шансы, и их на девятнадцать процентов, что тоновики не дадут миру ничего ценного, – ответило Гипероблако. – А остальные проценты – за то, что они навредят человечеству каким-то пока непредсказуемым образом.

Следующая аудиенция не обещала Набату ничего приятного. Разные zeloty-экстремисты посещали Грейсона с самого начала, но делали они это лишь время от времени. Теперь же они являлись почти ежедневно. Эти люди находили какие-то непостижимые способы извращать учение тоновиков, а также подвергать самой нелепой интерпретации все, что Грейсон говорил или делал.

Так, Набат предпочитал вставать рано. Но из этого не следовало, что лежебок или сов нужно было подвергать суровым наказаниям. То, что он ел яйца, отнюдь не подразумевало, что следует массово проводить ритуалы поощрения фертильности. А то, что некоторые дни Набат проводил молча, размышляя о том или о сем, не могло быть основанием для того, чтобы тоновики, как считали эти экстремисты, все как один давали обет молчания.

Тоновики так отчаянно хотели во что-нибудь верить, так необдуманно выбирали объекты почитания, что их вера иногда казалась абсурдной, иногда наивной. Что до zelotov, то их убеждения подчас пугали.

Сегодняшний посетитель из принадлежавших к этой компании был худ, словно с месяц назад объявил голодовку, а в глазах его таилось безумие. Он говорил о своем желании избавить этот мир от миндальных деревьев – только потому, что Грейсон как-то походя сказал кому-то, что не любит миндаль. Очевидно, кто-то что-то не так услышал и не то передал. Но худой пришел не только с этим планом.

– Нужно поселить страх в холодных сердцах жнецов, чтобы они признали вашу власть, – сказал этот тип. – Благословите меня, и я стану жечь их одного за другим, как это делал восставший против их сообщества Жнец Люцифер.

– Нет! Ни в коем случае! – воскликнул Грейсон.

Он совсем не хотел противопоставлять себя жнеческому сообществу. Пока он не вмешивался в их дела, они оставляли его в покое. Пусть все так и остается. Грейсон встал со стула и пристально посмотрел в глаза стоящему перед ним zelotu.

– Никаких убийств моим именем! – произнес он медленно и с силой в голосе.

– Но мы обязаны это сделать! – не унимался посетитель. – Тон поет в моем сердце и заставляет меня пойти на это.

– Убирайся! – почти закричал Грейсон. – Ты служишь не Тону, не Грому, и, что совершенно ясно, ты не служишь мне!

Ужас, который отразился на физиономии посетителя, сменился выражением раскаяния. Он согнулся, словно на него давил некий тяжелый груз.

– Простите, что оскорбил вас, Ваша Сонорность! Что я должен сделать, чтобы вернуть ваше расположение?

– Ничего! – отозвался Грейсон, все еще не успокоившийся. – Не делай ничего. Это лучшее, что ты можешь сделать, чтобы меня порадовать.

Зелот, пятясь назад и беспрестанно кланяясь, ретировался – на взгляд Гресона, не слишком поспешно.

Гипероблако одобрило то, как Грейсон повел себя с этим типом.

– Всегда были и всегда будут люди, живущие не в ладах со здравым смыслом, – сказало оно. – Им нужно вправлять мозги быстро и беспрекословно.

– Если бы ты вновь стало говорить с людьми, может быть, они вели бы себя более разумно. По-моему, большинством из них владеет настоящее отчаяние.

– Я понимаю, – ответило Гипероблако. – Но малая инъекция отчаяния – это совсем не плохо, поскольку провоцирует весьма продуктивный самоанализ.

– Знаю, – кивнул Грейсон. – Как ты всегда говоришь, «человечество должно осознанно пережить последствия своих коллективных действий».

– Более того, человечество нужно выбросить из гнезда, если оно хочет развиваться.

– Некоторые птицы умирают, если их выбрасывают из гнезда, – покачал головой Грейсон.

– Да, это так, – согласилось Гипероблако. – Но для человечества я разработало систему мягкой посадки. Некоторое время будет больно, но это позволит им выработать характер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.